



Автограф
50

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

50

**Вологда
2007**

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	4
ИЗБРАННОЕ	8
Ольга Лександрова	8
Елена Виноградова	9
Игорь Эпанасев	10
ГОСТИ НОМЕРА	12
г. Бабаево	12
К 40-летию творческой деятельности Лады Одинцовой	15
КРИТИКА	16
Алексей Армеев: «Вологда кабацкая» и «Жизнь продолжается»	16
В МИРЕ РУБЦОВА	20
Рубцов и Череповец	20
Марина Кошелева	21
Леонид Вересов	23
ПАМЯТЬ	29
Виктор Бараков	29
Вера Попова	31
КОРОТКАЯ ПРОЗА	33
Юрий Малозёмов. Побег	33
Юрий Максимов. Прошу назначит меня евреем	34
ТВОРЧЕСТВО НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ	37
Александра Мартынова	37
Виталий Бакуменко	39
ГРАФИКА	41
Виталий Бакуменко. Самобытный художник Евгений Мартышев	41

На 1-й стр. обложки экслибрис работы художника В. Леоненко

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Ровно 10 лет назад увидел свет первый номер литературно-художественного журнала «Автограф». Сейчас перед Вами юбилейный, 50-й номер вышедший к годовщине кончины его основателя — писателя Вячеслава Сергеевича Белкова, которому в этом году исполнилось бы 55 лет... Такие вот, разные круглые даты... А нынешний год удивительно богат на юбилеи: Василию Ивановичу Белову — 75, Ольге Александровне Фокиной — 70, Борису Александровичу Чулкову — 75, Александру Алексеевичу Грязеву — 70. А еще в этом году исполнилось 40 лет творческой деятельности известной писательницы и ученой дамы России Лады Васильевны Одинцовой. В ряду ее многочисленных книг «Избранные места из пражского дневника. Мемуары о Николае Рубцове». Этой книги Вячеслав Сергеевич Белков не дождался. Вот бы порадовался...

За 10 лет своего существования журнал приобрел много друзей и подписчиков. Редакция благодарит всех авторов и читателей за поддержку, теплые отзывы и справедливую критику.

Ю. Малозёмов

Стихи последних лет

Константин ПАВЛОВ

* * *

Кому сейчас вольготно на Руси?
Одна шестая часть Земли — «на зоне».
Коль «бабки» есть, то ты на ней «в законе»,
Коль нет, не верь, не бойся, не проси!..

Николай ЗИНОВЬЕВ

* * *

Эх, подкачу-ка я штанины,
Несите ноги, вы вольны,
Куда хотите, гражданина
Несуществующей страны.
Ну что же, нет страны, и ладно.
Выходит — кончилось кино.
Зато пока еще прохладно
В бутылке терпкое вино.

А если я при всем при этом,
При всем при этом, да при том
Не стану даже и поэтом,
То точно сделаюсь шутом.

Я бубенцами стану звякать,
Глотну вина и брошусь в пляс,
Чтоб ненароком не заплакать
Навзрыд, беззвучно, как сейчас.

Виталий СЕРКОВ

ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ

«Широка страна моя родная», —
Пел таджик, дошедший до Дуная,
Русский пел, грузин, калмык и грек,
Одолеев немало разных рек.

«От Москвы до самых до окраин»
Мор пронес, стыда не зная, Каин.
С поля, где крапива, да пырей,
Плач взметнулся, сокола скорей.

«Всюду жизнь привольна и широка», —
Пел и я, как многие, до срока.
Нынче задаю себе вопрос:
«Кто я, если не Великоросс?»

И звучит насмешкой злого рока,
Словом издевательски звеня:
«Молодым везде у нас дорога...»
Дальше пойте песню без меня...

Петр КУЗЬМИН

НА СТИХОТВОРЕНИЕ

Ф. И. ТЮТЧЕВА

«УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ»

На ум не надобно пенять,
тем паче Русь аршином мерить,
иуд из власти надо гнать,
чтоб та была стране подстать,
тогда не грех в неё поверить.

2007

«МЕДВЕДЯМ»

(вместо басни)

Повсюду власть в стране «медведи»
захватили,
и на холме Кремлёвском стоят с вождём
стенной.
Хоть на Руси всегда топтыгиных любили,
но ни во власти ж — в цирке, и лес им
дом родной.
Пускай они смелы и мышцы их упруги —
достоинствами «мишек» насыщан
белый свет.

Однако, для чего медвежьи нам услуги,
от коих пользы мало, а чаще только вред?!
Не дай-то Бог, а если «шатунами» станут,
представить даже трудно, как народ
достанут.

2004

Юрий МАКСИМОВ

* * *

Как легко нам ближнего обидеть,
И злословя вызвать праздный смех,
Чтобы слёзы у него увидеть,
Не поняв, что это тяжкий грех.

И совсем подначкой добивая,
Словно победитель на пиру,
В позу встать, небрежно ожидая,
Одобренья за свою игру.

Но игра та вышла не по чести,
И смущённо взгляды отводя,
Все в кружок собравшиеся вместе,
Вместо лести в сторону глядят.

Зло с добром идут попеременно,
Праведностью Божьей восхищён,
Потому уверен совершенно,
Кто обижен, будет отомщён.

СПб., 06.01.2003 г.

Василий МИШЕНЕВ

* * *

В годину общего волненья,
Когда мир поднят на дыбы,
Не опустись до озлобленья,
Душа, в превратностях судьбы!

Я, может, требовать не вправе,
Но ради мира и любви
На общей трудной переправе
Пример спокойствия яви!

И, день минувший не ругая,
Храни в себе полдневный свет,
Чтоб где-то рядышком другая
Душа откликнулась в ответ!..

Сергей ВАКОМИН

* * *

*Печальная Вологда дремлет
на тёмной печальной земле...
Н. Рубцов*

Пусть лёгкой сделается грусть
по уходящему покою...
Куда ни глянь — Россия, Русь
звенит рубцовскою строкою!
На древних улицах темно.
Не ворохнётся ветер в листьях.
Судьбой мне, видно, суждено
с тобою, город, разлучиться.
Знакомо всё — и облака,
и крест,

что древний храм венчает,
и то, что Вологда-река
суда на пристани качает...
В урочный час
придут слова,
рассеют долгие сомненья,
и всё,
чем Родина жива,
подступит к горлу, как спасенье...
Услышу звон колоколов,
старинный звон Софии светлой —
над тайной каменных дворцов,
продутых временем и ветром...

Николай БУШЕНЕВ

* * *

Этот мир и светел, и мрачен.
И его видеть разным надо.
То он непогодью охвачен,
А то солнышко как награда.

То весенним он, то осенним
К нам является. Только все же
С нашим связан мир настроеньем.
Дни ненастны или погожи —
И от света души зависит...

Февраль 2006

Галина БЕРЕЗИНА

БУДУЩЕЕ

Все жить хотят в преддверии зимы
И каждого изводит ностальгия:
Перед глазами сполохи такие —
Мутнеет разум, оживают сны.
Все жить хотят в преддверии зимы.

Уже давно подсчитаны ступени
Там наверху, что предстоит пройти.
И ничего не сделать супротив.
Не избежать душевных потрясений.
Уже давно подсчитаны ступени.

4.03.07

* * *

Нам остается только уповать,
Что в том миру родные души встретят,

Что сам Господь отечески приветит
И в Вечности позволит пребывать.
Нам остается только уповать.

7.03.07

Эльвира ШЕВЕЛЕВА

МОЛИТВА

Не дай увязнуть, Боже Правый,
мне в суете пустой, немилрой,
в земных грехах,
в жестоких нравах,
в долгах мирских,
во лжи постылой!
Не допусти Душе-светлице
угаснуть
в Замках Люцифера!
Жива надежда —
свет в темнице!
Отцу Молитва крепит веру!
«Святой Боже,
Святой Крепкий,
Святой Бессмертный!
Помилуй нас!»

1999

Андрей КЛИМОВ

ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ

Да, он пророк. Он знал про этот суд,
Что в будущем над ним предпринят будет.
Что голову его на белом блюде
Блуднице в дар, смеясь, преподнесут.
Но он бродил спокойно по пескам
И фарисеев звал в реке креститься,
Им говоря, мол, должен ОН явиться,
Тот, перед КЕМ он так ничтожен сам.
Да, он пророк. Он выше остальных.
Он твердо знал, что так оно и будет:
Пророков на земле не любят люди
За то, что те все ведают про них...

Римма РОЖИНА

* * *

Кагаеся вечер пушистый
По мокрому бархату луга,
Мой дом, посвежевший и чистый,

Тебя принимает, как друга.
Устал, посиди на крылечке,
Парчовой зарей полюбуйся,
И каша горячая в печке,
И щи не уйдут, не волнуйся.
Исчезнут сомненья и страхи,
Что эта заря бесполезна.
Чем шире крылатые взмахи,
Чем уже провальная бездна.
Нас вечер серебряным пухом,
Как малых детей, укрывает,
А ночь собирается с духом
И звездочкой первой мигает.
Да разве возможно такое:
Уставшая зябнуть в ненастье,
Я кутаюсь в платье покоя
И, кажется, женского счастья?

2005

Наталья РАМЕНСКАЯ

* * *

Березовой молодил
в бывшем горельнике
еще не привычна листвы позолота,
но пахнет в прохладном задумчивом
ельнике
груздами...
А дальше, у края болота,

где брызги брусники по кочкам
разбросаны,
где стылые росы порою рассветною
блестят, словно жемчуг —
дыхание осени
уже ощущаешь...
Пусть еле заметное,

и все же — как времени ход, неизбежное.
И не надышаться —
в не поместится
то вечное, древнее, то безмятежное,
разлитое в воздухе...
в зимние месяцы

так нужное, главное, необходимое,
что душу спасет от тоски и от холода...
Какое же счастье — бреду, нелюдимая,
касясь руками
осеннего
золота.

14-15.08.2005

Людмила ДАНИЛОВА

* * *

Я посещаю храм Природы,
Где птицы весело поют,
где чувствует душа свободу,
Полет, волнение, уют,
Где вольный ветер песнь слагает
О том, как хорошо вокруг.
И сладко сердце замирает,
Освобождается от пут.

Анна КОЖАКИНА

* * *

Я не знаю, как мне жить
С раненой душою?
Я не знаю, как любить,
Если ты с другою.
Я не знаю, где ходить,
Чтоб тебя не встретить.
Я не знаю, как смотреть,
Чтобы не заметить.
Может, окна мне закрыть
Белою бумагой?
На балкон не выходить
С прошлою отвагой.
Может, взять уехать мне
Навсегда, навеки,
Чтобы в сердце у меня
Не кипели реки?

Александр ПОШЕХОНОВ

* * *

Заплутала душа
В пересудках сомнений,
Закружилась,
Как лист на ветру...
Ты устал, ты ослаб,
Мой неистовый гений.
Ты погиб.
Ты воскреснешь к утру.
После черного века
С развратом и пьянством
Будет розовый
И золотой.

В этом мире смурном
Не найти постоянного.
Все меняется
С целью простой!..

Петр СУХАНОВ

БЕЗМЕРЬЕ

Придумал же: «На нет и ссуды нет!..»
В другое время думали иначе,
и многие завидев мой портрет,
в своих стихах
завидовали
«сдачей»!..
Теперь
у многих золото во рту —
блестят
в надежде выглядеть получше...
Но блеск не выражает красоту!..
Стихи
должны быть яростны — как путчи!..
И тем не менее, задириста она —
ПОЭЗИЯ!
БЕЗМЕРЬЕ тьмы и света!..
Да будь благословенна та страна,
в которой заблуждаются поэты!

Александр ШВЕЦОВ

* * *

*Может, выпьем?
Из разговора с друзьями*

Что оставляю — одну неустроенность? —
сыну,
если в собственном доме живу как в бегах?
Нет, ребята, не выпью я и за Россию...
Просто чтобы сегодня и впредь за Россию
чуть покрепче хотя бы стоять на ногах.

ИЗБРАННОЕ



Ольга АЛЕКСАНДРОВА

НИЧЬЯ

Легко допьёт из банок пиво,
Умело сплющит их ногой.
Чтоб сдать в утиль. И мы безразлично
Её обходим стороной.
По «барабану» мы ей с вами.
Ни Бог, ни чёрт ей ни судья,
Ни отчий дом, ни папа с мамой...
Она бездомная. Ничья.

08.03.07

БЕЗДОМНЫЙ

В рядовой привокзальной столовой,
В допотопном каком-то отрепье,
У соседа он съел часть жаркого,
Только тот отлучился за хлебом.
Был избит он минутой позже

На глазах у честного народа...
Но не смолк стук обеденных ложек,
Лишь ребенок заплывал у входа.

14.02.07

ПРАЗДНИЧНАЯ РОССИЯ

Гуляет страна, веселится.
С утра и до ночи салют...
А рядом в подвальных темницах
Бездомные дети живут.
Всё краше родная столица.
Всё краше родная страна.
Но стыдно мне этим гордиться —
Над сердцем своим не вольна.

13-17.01.07

ОТЦЫ И ДЕТИ

Над этим домом
красный флаг,
А вон над тем —
трёхцветный.
Забор меж ними.
А в кустах
Играют мирно дети.

19.11.06

ПОДАЧКА

Увидели — бедно одета,
И дали ей денег немного,
Смекнув, что большую за это
Награду получают от Бога.
А Бог всемогущий увидел,
Что всё это лишь для похвал.
Заплакал от горькой обиды,
Дела их в грехи записал.

* * *

Кто ада стоит, а кто рая —
Не нам судить о том, друзья.
Один Господь об этом знает:
Учитель вечный и судья.
Копейку нищему кидаешь,
А он вслед кричит: «Ты — жмот!»
Кто больше грешен? Как узнаешь?
Один Господь нас разберёт.

27.09.06



Елена ВИНОГРАДОВА

НЕОБХОДИМОЕ О СТИХАХ

Я считаю естественной и необходимой потребностью человеческой природы — молитву. Поэзия вообще, стихосложение в частности, словесная музыка — это лишь одна из форм, которую принимает в нашей душе молитва.

Книга стихотворений — даже и не вполне «обособленного» автора — чаще всего утомительна. Ведь всё-таки каждому стихотворению соответствует полное ощущение автором данной минуты; оно вылилось — стихотворение кончилось, следующее — следующая минута, — уже иная; они разделены временем, жизнью.

Но было время, когда стихи принимались и понимались всеми, были нужны всем.

Нынче толкуют о вырождении стиха, об исчезновении поэтических талантов. Но исчезли не таланты, не стихи! Исчезла возможность общения в молитве, общность молитвенного порыва. Я утверждаю, что стремление к ритму, к музыке речи, к воплощению внутреннего трепета в правильные переливы слов — всегда связано с устремлением с самым таинственным, глубоким ядром человеческой души, и что все стихи всех действительных поэтов — молитвы.

Каждый человек непременно молится или стремится к молитве, не важно сознаёт он это или нет. Форма зависит от способностей и наклонностей каждого. Но нам каждому дорога наша молитва, нужно наше стихотворение, — отражение мгновенной полноты нашего сердца. Но другому, у которого заветное «своё» — другое, непонятно и чужда моя молитва.

Сознание одиночества ещё более отрывает людей друг от друга, обособляет, заставляет замыкаться душу. Мы стыдимся своих молитв, и, зная, что всё равно не сольёмся ни с кем, — говорим, слагаем их уже вполголоса, про себя, намеками, ясными лишь для себя. Некоторые из нас, стыдясь и печальясь, совсем оставляют стихотворную форму, и облачают иной, сложной и туманной, плотью своё божественное устремление.

Если есть где-то один, кто поймёт нашу молитву, — он поймёт её и сквозь печаль тумана. Но есть ли он? Есть ли чудо?

СВЕТ

Колючий свет звезды — величественный перст

Над мягким тёплым ароматом хлеба.
А Млечный Путь, огромный, — на пол неба
Вновь занесён над городом, как крест.

Куда спешу? Да, видно, никуда
По улице то длинной, то короткой.
Когда же первая покажется звезда
За Сухону в отвязанную лодку?

Желание успеть загадать,
Вот так же в реку скинув свою ношу.
Господь, яви мне волю указать
Дорогу в мир, где буду я хорошей.

ВСТРЕЧА

Мне пригрезилась гроза
С её вычурным ворчаньем,
С её взглядом, где глаза —
Явный повод к одичанию.

А на утро грянул гром, —
Жизнь сверкнула в одиночасье.
Губы, разомкнув с трудом,
Прошептала: «Здравствуй, Счастье!»

ГОСТЬЯ

Радость ты моя! — Гроза явилась!
Зрелым оком оглядев окрест,
Гаркнула!.. (Она так извинилась.)
Так вода седьмая за приезд
Извиняется, топчась уже в прихожей
И для важности не выбирает слов.
Я ж возликовала! Ей, — пригожей, —
Отдала б все пять своих углов!
Адом мыслей пятый угол дорог.
(Мельтеши ли, бейся за любовь), —
Я в него забилась, будто враг,
Взглядом кислым превращая в творог
Млеко жизни... Лейся ж! Вновь и вновь!

ВЕЛЮ

Как ветер в пастбищах небесных
Стада сгоняет в вольную реку,
Так я армады звуков бестелесных
С прилежным сердцем холю, стерегу.
Ни страха в них, ни боли — свет печали.
Свободные, им нечего скрывать.
Им ложа не стелю, в ночи качая, —
Я им велю беспечно кочевать.

ГРЕХ

А. А. Цыганову

Смертный грех от поцелуя,
(Безгреховному б украсть!)
Но ликует — «Аллилуйя»!
В смертном теле тела власть.

И с бесёночком победу
Мы отпразднуем в ночи,
Я тихонечко к побегу
Приготовлю все ключи!



ИГОРЬ ЭПАНАЕВ

В МЯЧИК

Провалился в мячик
Маленький насос.
Там сидит и плачет
В море горьких слез.
Вылезти не может,
Бедный в западне —
Мячик с пьяной рожей
Скачет по Земле.

ОН САМ ПРИШЕЛ

В 8.30 за вином
Мы ходили в гастроном.
А чуть позже гастроном
Сам приперся к нам с вином.

МОЯ КРЫША

Я упал сегодня с крыши,
Но меня поймали мыши.
На носилках унесли,
От кота меня спасли.

* * *

Пионеры юные
В нас черешней плюнули,
Но черешня сладкая,
А поверхность гладкая.

* * *

Как увидишь гопника,
Ты ногою топни-ка.
Он тебе: «Гоп-стоп!»,
Ты ногой — топ-топ!

* * *

Только вышла на перрон,
Сразу тронулся вагон —
Умственно отсталая,
От поезда отстала я!

* * *

Пятьдесят на пятьдесят
Что Валеру пригласят.
Ведь Валера пьяница:
Выпьет — не останется!

* * *

Даже в омуте глубоко
У меня жена под боком.
Ты мое сокровище, —
Не остыла кровь еще.

МЫ И ОНИ

Мы винишко попивали,
Мы ресницы малевали...
Вдруг вбегает папа Вали,
А за ним и мама Вали.
Забегают папа Риты,
Мама Васи, мама Светки
И орут нам и кричат нам:
«Паразиты! Малолетки!»

ДЯДЯ ПЕТЯ, ВЫ ДУРАК?

Знайте, взрослые и дети:
Миром правят «дяди Пети»!
Хватит нас обманывать,
С барышом карманы ведь!

Гости изотера

г. БАБАЕВО

Галина ВАСИЛЬЕВА

РАДУГА

Показалась радуга нал рекой,
Улыбнулась радуга красотой,
Зазвенела красками по росе,
Пробежалась с легкостью по листве,
Заискрилась в камешках огоньком,
И по лужам шлепала босиком.
Мостиком приблизила небеса,
В Божий дар ты, радуга, нам дана,
Растворилась радуга в вышине,
Красоту оставила на Земле.

Наталья РАМЕНСКАЯ

* * *

Я люблю это солнце, люблю это небо,
Я люблю эти ночи и дни
Лишь за то, что когда бы
и где бы ты не был —
Ты со мною пол небом одним.
Я люблю это утро и розовый вечер,
Белый снег и туман голубой.
Я люблю целый мир
за одну только встречу,
За короткую встречу с тобой.

Нина РЯБКОВА

ОСЕНЬ

Изумруд берез
Украшен золотыми прядями,
Словно серьги,
Золотят они листву.
Белоствольные березы,
Словно девицы, нарядами
Удивляют нас
Не в сказке — наяву.
Как подруги, в хороводе
Закружились все,
Шелестят листвою,

Как шелком на балу.
Милые мои березоньки —
Красавицы,
Жизнь без вас
Представить не могу!

Галина ПОВЕРЕННАЯ

* * *

В природном цикле что-то сбилось,
Тепло надолго загостилось.
Запахло в воздухе весной
И земляникою лесной.
Большая яблоня в саду
Была сама с собой в ладу,
Но и она (что за дела?)
В ту осень тоже зацвела.
Весна нарушила весь быт,
Покой в душе давно забыт.
Что делать? Яблоки стряхнуть?
Смогу ли вновь проделать путь?
Если весну прогнать мне прочь,
Опустится на сердце ночь!
Плоды, цветы — семья и страсть.
Как поступить, чтоб не пропасть?!
Но... запоздалая зима
Решила за нее сама.

Леонид ПОГОНЩИКОВ

* * *

Предзимье грязное я с детства не люблю —
Всегда с капризной, слякотной погодой.
Я становлюсь заметно нелюдим
И все хандрю в такой период года.
Да докучают нудные дожди,
Идущие и часто, и со снегом.
Не выхожу из дома без нужды,
А если вдруг, то возвращаюсь следом.
Предзимье не люблю с коротким днем,
С унылой, не ухоженной природой.
Подолгу я просиживал с огнем
И добровольно жертвую свободой.
И солнце просыпается поздней,
Измученное тело уж не греет.
Я не люблю промозглость этих дней,
А череда счастливых дней редее.

Петр ТИМОФЕЕВ

ЗИМНИЙ БАЛ

В лесу деревьям снится зимний сон:
Мороз танцует с вьюгой Белый Танец.
Им ветер крутит старый патефон,
И дарит месяц свой ночной багрянец.
Одели ели белую вуаль,
Чтоб скрыть под ней кудрявые верхушки.
Накинув серпантинную шаль,
Стоят в сторонке сосенки-подружки.
Без кавалеров скучен зимний бал,
Один Мороз и тот танцует с вьюгой.
Дуб вековой с весны еще устал
Ухаживать за белою подругой.
Кивает клену гроздьями рябина,
А он молчит напарнице в ответ.
Скучает низкорослая малина,
Ее не замечает лунный свет.
Мешает спать сосулек перезвон,
Мороз и вьюга танцевать устали,
В лесу деревьям снится зимний сон,
Что все они сейчас на КАРНАВАЛЕ.

Тамара РОМАНОВА

МАРТ

Все деревья стоят голышом.
Только сосны и ели одеты.
А весна, хоть идет к нам пешком,
Все мы чувствуем — рядышком где-то...
Теплый луч вдруг погладит лицо,
Шум подснежный ручьев уже слышен,
И вздохнет облегченно крыльцо
Милым скрипом оттаявшей крыши.

Ольга ГОРОХОВА

ЧЕТЫРЕ ДНЯ

Четыре дня тебя не будет рядом,
Не ободрить ни возгласом, ни взглядом.
На звездный путь смотреть не позовешь,
Рукой по волосам не поведешь.
Твои ладони — два больших крыла,
В них силы я для радости брала.
Когда обнимешь ими ты меня,
До звезд лечу, тебя с собой маня.
Когда же нет тебя со мною рядом,
Весна мне кажется осенним листопадом,

Зеленый лист — предвестником зимы,
Все потому, что мы разлучены.
Четыре дня мне без тебя прожить —
Четыре долгих века не любить.
Застыла жизнь. Я думать не могу.
Я у окна тебя весь вечер жду...
Но вдруг звенит от радости звонок,
Ты без меня и дня прожить не смог!

Галина СМЕЛОВА

ВАСИЛЬКОВОЕ ПОЛЕ

Господи! Сколько их!
Словно море на поле
Разыгралось волной,
А всего-то цветок,
На гвоздику похожий,
Только вырос на воле,
И весь голубой.
Обычно, где рожь,
Там и он примостившись,
Прячет свои голубые глаза,
По полю идешь и, к нему наклонившись,
Восторженно скажешь:
Какая краса!
А тут иступ ржи —

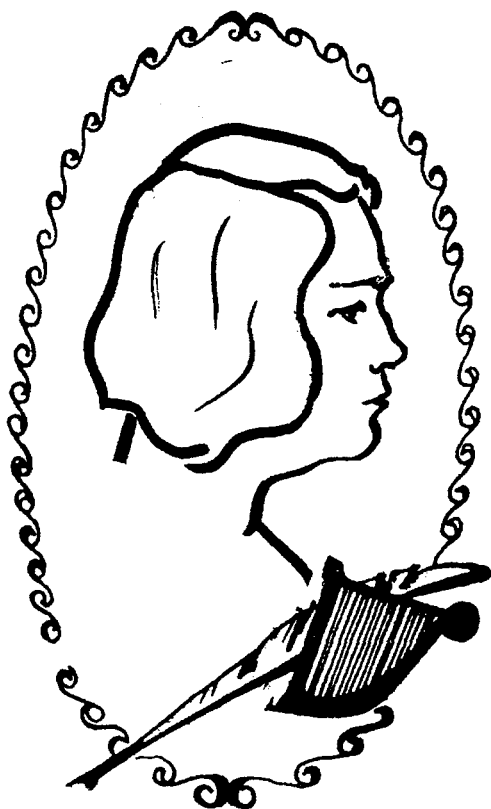
у дороги раскинулось поле —
Одни васильки!
Качает их ветер на вольном просторе,
Как волны морские в затишье легки
И смотришь на это явление природы
И думаешь, с чем бы сравнить?
Как будто упал вниз кусок небосвода
Иль озера гладь.
Мне по ней бы проплыть!..

Елена КУЗНЕЦОВА

* * *

Придешь, когда и воззову к Тебе,
И уврачуешь раны Ты сердечные.
Поможешь, и Твоя великая любовь
Затопит сердце полностью мое.
Погладишь сердце Ты ладонью нежною,
Почувствую любовь и благодать,
И преклони колени в трепете,
Прославию и благословлю Тебя.
Такого чудного, прекрасного и вечного
Тебя люблю, в Тебе вся жизнь моя.
Любовь Твоя все держит на планете этой,

**К 40-ЛЕТИЮ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЛАДЫ ОДИНЦОВОЙ**



Одинцова Лада Васильевна — член Союза Литераторов РСФСР с 1973 г. (бывший группом издательства «Советский писатель»), член Союза писателей СССР с 1977 г. Факт первой публикации принадлежит газете «Комсомольское знамя» 1967 г. и знаменует собой юридическое начало творческой деятельности. В 2007 г. исполнился 40-летний творческий юбилей Старо-Советского классика. Во всемирный день Писателя 3 марта чешское издательства «ART-IMPULS» провело празднование юбилея Автора.

Юбилейный портрет писательницы и ученой дамы России выполнен книжным графиком Владимиром Васильевым.

АЛЕКСЕЙ АРМЕЕВ: «ВОЛОГДА КАБАЦКАЯ»

И «ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ»

(заметки о стихах А. Армеева)

Книжка Алексея Армеева «Вологда кабацкая» вышла в 2001 году. Хорошо помню свое возмущение, когда впервые ее прочитала. Воровской жаргон, обильно рассыпанный по страницам, заставляя без конца открывать примечания в конце сборника — иначе было не понять смысла. Переведенные таким образом стихи часто разочаровывали. Чего стоили откровения об удачном налете на зазевавшегося фраера, вечера напролет в ресторане, в душном дыму, перечисление блюд и вин, сетования на несчастную судьбу. Там было сильное желание описать красивую жизнь в винных парах, в окружении красивых женщин.

*«Дохнул я на хазе — клинили рамсы,
От центральной мурки средней полосы
От фартовой мурки кругом голова,
Забивайте шнягу на разбой, братва»* («Фартовая»)

*«По Вологде по всей цветы скуплю,
ты фраеров несчастных не жалея,
я лепестками роз твой путь стелю
от кабака и до моих дверей».* («Путевая»)

*«Ах красота ты моя бутфорская,
Ведь голодна с вчерашнего вечера.
Можешь не краситься, юная, броская,
В крохотной рамке карманного зеркальца...
Нежно заказ проворкуешь изысканно:
— Двести мартины бианка, беф-брезе,
Персики в кляре, — добавишь таинственно,
— Персики в кляре мне грезились в грезе...»* («Изысканная»)

Отдельные строчки сборника уж очень напоминают Игоря Северянина-Лотарева.

*«Янтарятся мускатно хрустальные фужеры,
Рубинятся в них губы — престижно Литене,
Как мы полны бездонные, любви, надежды, веры,
Как тускло ослепительны в сверкающем вине».*

Нет сомнения, что автор пытался подражать Лотареву, хотя дурного в том нет, в начальной стадии творчества этому подвержены многие поэты.

Все стихи, составившие книжку «Вологда кабацкая» оформлены будто песни: «Рассветная», «Опьяненная», «Пряная», «Волшебная», «Очарованная», «Путевая», «Ангажированная»... О ком же это? Не о женщине, конечно, но о самой Вологде. Именно так, то приподнято-церемонно, то родственно близко видел автор свой город, была эта жажда хорошего, несмотря на заданный блатной стиль. Ведь каждая строчка — это та самая романтика блатного мира, против которой так страстно выступал Варлам Шаламов. «С виду посмотреть — так все очень благородно выглядит, а приглядишься — та же самая

грязь жизни». Однако напомним — блатные стихов не сочиняют, они и слушают-то их вполуха, в винном угаре. А в текстах Армеева такое упоение словами. Как же так?

...Как оказалось, Алексей Армеев вовсе не был вором в авторитете, он учился на врача и работал врачом аналогично тому, как не был Владимир Высоцкий ни солдатом, ни земком, все, о которых он писал и пел, были только персонажами. Вот и «Вологда кабацкая» стала всего лишь шокирующим спектаклем, и ее лирический герой — лишь примеренная на себя и неплохо сыгранная роль. Возможно, он сыграл ее слишком достоверно.

Но на этом игра закончилась. Вторая книга Алексея Армеева «Жизнь продолжается» вышла уже после его гибели благодаря усилиям его родных и близких. И началась она, естественно, с темы утраты: это потеря погибшего друга, а кажется — это потеря самого автора.

*«Я погиб на войне,
На чужой стороне.
Года не дослужил,
Не допел, не дожил...
Я лежу на земле,
На чужой стороне.
Травы шепчут "Прощай",
Я не слышу, а жаль...»*

Во второй книге авторская лексика резко изменилась. Исчезли ненормативные выражения, блатные термины, излишние красоты и завитки, слова ради слов. Речь стала более чистой, прозрачной. В ней усилилась песенная, мелодическая основа, появились даже мотивы осмысления самого себя.

*«Взгляни, какая прелесть — не бесится река,
Все что скажу я — ересь, но что спою — в века!»*

*«...Как хамелеон, свое обличье
Я меняю под раскаты грома...
Я другой! Я бешеный и нежный,
Пламенный и холод льда несущий,
Как бездонный океан безбрежный,
И как вихрь, как ветер вездесущий».*

Природные катаклизмы явились в этой книге универсальным средством выражения целой бури чувств, а это, как мы знаем, одна из самых традиционных черт русской поэзии. То есть прошло совсем немного времени и поэт вернулся к чему-то настоящему, непреходящему. Никаких кабаков, наоборот, жажда снегопада, снег и солнце — эти образы встречаются почти на каждой странице.

*«Часто весна забывает заслуженные права
— Нежданной метелью белой покроется в поле трава,
Под тонким недолгим снегом будет досматривать сны.
Что-то мне снова хочется истинной русской зимой»...*

Видимо, душа требовала чистоты, и даже любовная лирика стала совсем другой.

*«Поскользнулась и упала белопудровою грустью.
Закружилось, замотало. Сквозь пургу к тебе тянусь я.
Сквозь пуховое пространство нежно, нежно обнимаю.
Дождь, калечит дождь убранство. Дождь.*

*А может, я рыдаю? Колкий ветер, злые тучи.
Снег и слезы, дождь и ветер.
Я с Тобою стану лучше.
Я ведь за Тебя в ответе...»*

Лирика накрыла автора с головой. Если раньше ему о женщинах позволялось писать презрительно-снисходительно, то во второй книге уже не много их, а одна она, и родился не просто поток нового чувства, а культ Любимой с большой буквы.

Но вся эта книга могла бы стать просто любовным альбомом, преподнесенным в дар даме, если б не прежняя тень Северянина-Лотарева. Снова этот грозный соблазнитель появился за спиною Армеева, на этот раз для того, чтобы побудить его на новый слог, новый подход к стиху. Посвящение Северянину предпослано «Великоновгородской оде». Это довольно длинный стих на 14 четверостиший, в котором конкретный город соотносится с всей Россией, так же как чувство любви к женщине становится частицей большого, почти вселенского ощущения счастья. Несмотря на отдельные красоты в нем уже есть дыхание былины. Несколько слабее по накалу чувств «Вологодская ода» — на 25 четверостиший, зато сюда вошли трогательные географические приметы многих районов Вологодчины. Эти оды — знак того, что, несмотря на молодость, автору уже хотелось говорить о чем-то главном, масштабном, он стал более зрелым духовно, его ждали новые высоты и новые темы.

Так или иначе, трагическая смерть Алексея Армеева и все им написанное может послужить хорошим поводом для пронзительных раздумий о смысле жизни, о том, как распоряжаться своим даром, чтобы он не пропал даром.

Галина Щекина

Алексей АРМЕЕВ

ИЗ КНИГИ «ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ»

* * *

Зимою вижу яблоню в цвету —
Мой страстный слог вам явит наготу.
Души скрывает наготу слог мой!
И яблоня в цвету, в цвету зимой.
Когда бесцветный день коснется глаз,
Любуюсь яблоней в цвету который раз!
Фарфорово-стальные лепестки
Влекут призывом грусти и тоски.
И оттого, дурманя гений свой,
Любуюсь яблоней в цвету, в цвету зимой,
Она проснется от объятий сна,
А я усну... Тогда придет весна.

* * *

Ты негой согрета и брызгами солнца,
Нектаром моих утонченных поэм,
Их как ожерелье рукой Аполлона,
Жемчужку на шею весенних принцесс.
Все будет прекрасно, изысканно, мило,
Ночами не выразишь сна!
Не зря ты так долго ждала и любила!
Весна наступает, весна!

* * *

Как низко опустись ангелы,
Чтобы в глаза твои всмотреться,
Чтоб на губах изведать
Медовый васильковый ром!
Чтоб слушать звук любви живого
Влюбленного биения сердца
Заслушаться и засмотреться,
и запоздать в небесный дом.
Я никогда не видел раньше,
как можно быть таким влюбленным,
Летать парить крыльями и тут же
перед тобою падать ниц.
Я падшим ангелом последним
к всевышней прикоснусь деснице,
За все на свет я отвечу —
нас вместе только призови!
Прошу воздай моей царице
Тобой обещанную встречу!
Воздай возлюбленной царице
Надежды, веры и любви.



ВОЛОГОДСКАЯ ОДА (ОТРЫВОК)

* * *

...От Кичменги, что в Юг впадает,
До самых западных границ —
Простор! Аж сердце замирает!
Лишь Крыловзмахом вольных птиц
Объять возможно дали эти!
Крылит душа звездодворот!
Во всем реальном белосвете
Не может быть родней пирот.
Везде друзей встречаю лица,
В Никольске, Бабушкино я —
Здесь разжиться бы живицей!
Щедра российская земля.
За выход к морю — не без толку
Был Лежский волок проложен.
Связал он Сухону и Волгу.
Под Грязовцем тот волок шел.
Как белопарусники, храмы
Плывут по Тьме в свет они.
Рубцов отсюда. Да, тот самый —
«Храни Россию. Русь храни!»
Тут край святых! Кого и спросим —
Молились, жили, не ушли.
Максим, Андрей и Феодосий
Россию здесь свою нашли.
На нас глядят святые лики!
Я в Вологде живу, дышу.
Центр области она, велика!
Любите Вологду, прошу!

В мире Рубцова



РУБЦОВ И ЧЕРЕПОВЕЦ

Русский поэт Николай Михайлович Рубцов (1936-1971) родился 3 января 1936 года в поселке Емецк Архангельской области. Но подлинной духовной родиной поэта стала Вологодская земля: село Никольское Тотемского района («деревня Никола»), где прошло детство Н.Рубцова, город Тотыма, где он учился в лесотехническом техникуме, и Вологда, с которой были связаны последние годы жизни поэта. Промышленный Череповец, казалось бы, никакой существенной роли в жизни Н.Рубцова не играл.

...Однако в Череповце и до настоящего времени проживает родная сестра поэта — Галина Михайловна Шведова (Рубцова), у которой Николай Михайлович жил несколько дней в 1969 году. В Череповец неоднократно приезжал Н.Рубцов в 1960-е годы выступать на областном телевидении и записываться на радио, привозил свои стихи в редакции череповецких газет «Коммунист» (ныне «Речь») и «Металлург». Здесь он бывал в гостях у череповецких поэтов и прозаиков Ле-

онида Беляева и Галины Березиной, Валентина Маринова и Вениамина Шарыпова. И сегодня в Череповце живут многие, близко знавшие поэта, друзья и знакомые Н. Рубцова — Иван Алексеевич Серков и Александр Александрович Тихомиров, Евгения Павловна Буняк (Романова) и Антонина Александровна Силинская (Шевелева), Александр Хачатурович Рудёв-Хачатрян и Михаил Михайлович Ганичев, Лидия Сергеевна Беляева и Римма Сергеевна Минина. Список череповецких адресов Николая Михайловича, составленный ученицей 10 класса школы № 9 Инной Михеевой, включает 17 наименований. И после смерти поэт не был забыт на череповецкой земле. Так, создателем, пожалуй, лучших иллюстраций к произведениям Н. Рубцова стал череповецкий мастер, заслуженный художник России Владислав Александрович Сергеев (Сб. «Подорожники», 1976). В 1977 году впервые в стране на сцене череповецкого Дворца культуры металлургов режиссером Равиком Михайловичем Смирновым была осуществлена постановка поэтического спектакля «Тихая моя родина» по творчеству Н. Рубцова.

В 1990-е годы известный череповецкий ученый, профессор ЧГУ, доктор филологических наук Михаил Иванович Сидоренко работает над созданием уникального «Словаря языка и рифм Н. М. Рубцова», осуществить издание которого удалось только к 70-летию поэта в декабре 2005 года.

В 1998 году в Вологде, на берегу реки, возле Петровского домика, был установлен памятник Н. Рубцова, автором которого является череповецкий скульптор Александр Михайлович Шебунин. В том же году у здания Череповецкого государственного университета (Советский проспект, 8) и мемориального дома-музея В. В. Верещагина появился бюст поэта, созданный А. М. Шебуниным. Рубцовский скверик стал излюбленным местом встречи поклонников поэзии Н. Рубцова и череповецких поэтов. Здесь звучат стихи великого русского поэта и местных авторов, искренне почитающих Н. Рубцова — Александра Пошехонова и Андрея Широглазова, Сергея Созина и Николая Кузнецова, Николая Бушенева и Галины Констанской...

Совсем недавно при череповецком городском Доме знаний под руководством Надежды Леонидовны Деревягиной возник клуб «Госпожа Провинция», участники которого (Вера

Владимировна Попова, Антонина Алексеевна Чумсева и др.) занимаются проведением рубцовских вечеров, сбором материалов и воспоминаний о жизни и творчестве поэта.

Настало время и научного осмысления поэтического наследия Н. Рубцова на череповецкой земле...

28–27 апреля 2006 года прошла региональная научно-практическая конференция «Н. - М. Рубцов и отечественная поэзия XIX–XX вв.», организованная Гуманитарным институтом ЧГУ. В работе конференции принимали участие учёные, а также люди, близко знавшие Рубцова, знакомые и друзья поэта.

По материалам конференции готовится сборник научных работ, докладов и воспоминаний о выдающемся русском поэте Н. М. Рубцове.

*А. Е. Новиков,
зав. кафедрой теории и истории культуры ФОГ и СЭД ЧГУ,
доцент, кандидат филологических наук*

Марина КОШЕЛЕВА

НИКОЛЬСКИЙ АВТОГРАФ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Одной из мало известных широкому кругу читателей страници биографии Николая Рубцова до сих пор остается его пребывание на родине Александра Яшина. Об этом говорит как отсутствие соответствующих материалов в книгах о Николае Рубцове, так и судьба двух известных документальных фотографий, отснятых в городе Никольске.

Эти фотографии достаточно часто приводятся в различных изданиях, но отсутствие в подписях к фотографиям даты и места фотосъемки не позволяют привязать их к определенному событию в жизни поэта.

На одной из этих фотографий — трое. За столом сидит, и что-то усердно пишет Николай Рубцов, а рядом с ним выстроились по стойке «смирно» два известных писателя. В лучшем случае, подпись под фотографией расшифровывает фамилии лиц, оказавшихся в

и др.

*Друзья и товарищи поэта, наш друг
Александр Яковлевич, с друзьями и друзьями
открыли его мемориальную комнату-музей.
Мы верим, что память об этом большом русском
поэте будет жить всегда в сердцах его земля-
ков*

15 авг. 1969 г.

*Александр
В. Астафьев
В. Астафьев
В. Астафьев
В. Астафьев
В. Астафьев*

кадре. Однако же попало и такое уточнение: «Николай Рубцов дает автографы Александру Романову и Виктору Астафьеву».

На второй фотографии — те же трое действующих лиц, но уже на улице (Николай Рубцов — в берете). Почему-то отсутствует четвертый человек — замечательный поэт и хороший друг Николая Рубцова — Сергей Чухин. В редких изданиях можно увидеть всю фотографию целиком.

Чтобы прояснить Никольскую страничку жизни Николая Рубцова, мы побывали на родине Александра Яшина в сентябре 2004 г. и марте 2005 г.

После встречи с проживающим в деревне Оботурово Ростиславом Андреевичем Пановым история пребывания Николая Рубцова в Никольске и на Бобришном Угоре прорисовалась в некоторых подробностях.

В августе 1969 г. Ростислав Андреевич Панов, корреспондент районной газеты «Авангард», был приглашен в кабинет редактора Вячеслава Михайловича Теканова: «Андреич! В район приезжает делегация вологодских писателей. Будут открывать музей Яшина. Поедут и на Бобришный. Будешь готовить полосу».

Вот на той-то полосе в районной газете «Авангард» № 101 (5267) от 23 августа 1969 года и появились первые под шапкой «У нас в гостях писатели области» в статье Ростислава Панова две вышеупомянутые фотографии фотокорреспондента В. Покровского.

Первая из них была сделана непосредственно в мемориальной комнате Александра Яшина, находившейся в то время в здании школы-интерната.

Она отразила тот момент, когда в книгу отзывов новорожденного музея торжественно заносилась запись № 1. Внести ее от имени вологодской делегации было доверено владельцу самого красивого почерка — Николаю Рубцову.

С помощью методиста центральной районной библиотеки г. Никольска Нины Николаевны Шалимовой мы нашли в Музее А. Яшина в одной из многочисленных, накопившихся за 35 лет, книг отзывов эту запись:

«Друзья и товарищи поэта, — написал Н. Рубцов, — нашего дорогого Александра Яковлевича, с уважением и грустью открывают его мемориальную комнату-музей. Мы верим, что память об этом большим русском человеке будет жить всегда в сердцах его земляков». Далее следовала дата — 15 августа 1969 года — и, в порядке установленного старшинства, подписи: А. Романов, В. Астафьев, Н. Рубцов, С. Чухин и А. Сушинов.

Сейчас музей Яшина находится в просторном старинном здании рядом с городским парком. Так получилось, что именно напротив него и были сфотографированы все четверо литераторов из вологодской делегации — С. Чухин, А. Романов, Н. Рубцов и В. Астафьев.

Статья Ростислава Панова начиналась политкорректно: «Готовясь к столетию со дня рождения В.И. Ленина, областная писательская организация проводит сейчас творческие отчеты перед своими читателями...». Далее следовало сообщение о прибытии в Никольский район группы вологодских литераторов, давался краткий обзор творческого пути каждого из четырех гостей и перечислялись проведенные мероприятия — поездки по району, открытие музея Яшина, выступление в Доме культуры. В устном изложении рассказ Ростислава Андреевича был колоритнее.

Сразу же по получении ответственного задания он столкнулся по выходе из редакции с журналистом А. Сушиновым, работавшим в те времена собственным корреспондентом газеты «Красный Север» по восточным районам (Великий Устюг, Кич-городок, Никольск).

Тот предложил познакомить его с членом писательской делегации Виктором Астафьевым, который около полугода назад прибыл с семьей в Вологду.

Мы пересняли эту фотографию с оригинала — большой фотографии, размещенной на стенде клуба-музея «Земляки», основанного Музой Вячеславовной Бересневой — в той самой комнате, где когда-то была сделана «запись № 1».

Вместе отправились в районную гостиницу, на первом этаже которой (на фото второй этаж отсутствует — сгорел еще в XX веке) расположились гости. Те собрались за столом, в середине которого был водружен большой чайник, до краев наполненный красным су-

хим вином. «Чайку хотите?» — «Можно и выпить». Разговорились. Скоро присоединился местный литератор Александр Платонович Пшеничников, друг Александра Яшина. До поездки на Бобришный Угор оставалось еще много времени, и Ростислав Андреевич пригласил своих новых друзей к себе в деревню Оботурово, расположенную недалеко от города.

К деревне у него была своя заветная тропка, но для экономии времени он повел своих гостей по большаку. По пути захватили все необходимое.

В саду у Пановых рос роскошный маньчжурский орех. Под ним и накрыли стол с немудреной деревенской снедью — маринованными грибами и свежим вареньем из малины и крыжовника. За столом говорили о наболевшем: Пшеничников — о безвременно ушедшем друге, Сушинов — о судьбах русских деревень... А в саду шелестел ветер и дозревали яблоки... Вдруг Николай Рубцов мечтательно произнес: «Не хватает только гармонии!». «Будет и гармонь» — ответил хозяин. Принес гармошку и наиграл на ней несколько мелодий. С Николаем ему уже приходилось не раз встречаться на семинарах в Вологде, но близкое знакомство состоялось только сейчас. Тот потянулся к гармошке. «А у нас в Тотме, — проронил он, — совсем не так играют». Бережно взял гармонь, развернул меха, и по притихшему саду полилась нежная мелодия с замысловатыми переливами...

Вскоре перед домом тормознул райкомовский ГАЗик, и гости отправились на Бобришный Угор...

Авторы благодарят Н. Н. Шалимову, М. В. Бересневу и Т. В. Шиловскую за дружескую помощь в поисках.

ЛЕОНИД ВЕРЕСОВ

РАННЕЕ (ХИБИНСКОЕ) ТВОРЧЕСТВО Н. РУБЦОВА КАК ПРОЛОГ ЕГО ВЕЛИКОЙ ПОЭЗИИ

2006 год для многих почитателей поэзии — год 70-тилетия со дня рождения поэта Николай Михайловича Рубцова.

Много новых материалов, точек зрения на жизнь и творчество знаменитого поэта появилось в этот период. Много юбилейных сборников посвящений увидело свет. Авторами двигало искреннее восхищение, ставшими уже классическими стихами Рубцова, желание понять и выявить истоки его творчества. Немало написано уже воспоминаний и литературоведческих работ о раннем периоде творчества поэта.

У автора данной статьи скромная задача. Как полтора года учёбы Н. Рубцова (август 1953-го — январь 1955 гг.) в Хибинском горно-химическом техникуме способствовали раскрытию его таланта, как поэта.

Рубцов учился в Кировске недолго. Горняцкая дорога (маркшейдерская специальность, группы 1 МС и 2 МС) не стала торной и оборвалась как и множество других сценариев его жизни. Поиск себя, своего предназначения занимал, тогда ещё молодого, человека. Но чем бы не занимался Рубцов, в какие бы жизненные ситуации не попадал красная линия его жизни — это поэзия. Так какие же условия для творчества были у поэта в Хибинах? Как его друзья и преподаватели КГХТ влияли на становление его таланта? Или он был одинок и непонимаем? В конце концов, что он написал в этот период. Автор использовал архивные документы филиала «ГЛМО» в г. Кировске, материалы местных газет тех лет, воспоминания друзей и учителей поэта.

В июле 1953 г. Н. Рубцов пишет заявление капитану тральщика РТ-20 «Архангельск» тралфлота на выдачу ему расчета «ввиду поступления на учебу».

Учебным заведением, которое приняло матроса Рубцова и стал Горно-химический техникум.

Из газеты «Кировский рабочий» от 5 июля 1953 года. Заметка А. Глушенко — директора техникума «Новый отряд горных техников». «К нам ежедневно поступает много заявлений от желающих приобрести горную специальность. Особенно много заявлений подают кировчане». Среди иногородних подавших заявление был матрос Рубцов.

«Видимо в 1954–1955 гг. Николай Рубцов уже сочинил немало стихотворений, до нас почти не дошедших» из статьи В. С. Белкова, совсем недавно ушедшего из жизни, «Жизнеописание Н. Рубцова». Пусть это будет эпиграфом данной статьи.

Вадим Кожин замечал в предисловии к сборнику стихов Н. Рубцова: «В поэтическом наследии Николая Рубцова вполне отчетливо различаются ранние (до 1962 года) и зрелые стихи, но — и это характерно — самые ранние стихи поэта ближе к его зрелой лирике, чем к стихам 1957–1962 гг.»

Александр Миланов пишет в своей статье «Море Николая Рубцова»: «что поэт по свидетельствам очевидцев на лекциях писал стихи..., но необходимого общения с пишущей братией у него здесь не было». Попробуем в чем-то согласиться, а в чём-то поспорить с этими авторитетными мнениями. Попробуем расширить и дополнить сведения о Хибинском периоде поэзии Рубцова (О жизни Н. М. Рубцова в Кировске 1953–1955 гг. вышла статья Л. Н. Вересова в «Хибинском вестнике» от 6.01.2005 «Хибиниана Николая Рубцова»).

Итак, то что Рубцов писал стихи учась в Кировске, это бесспорно.

О тетради его стихов вспоминают Николай Шантаренков и Евгений Ивановский.

Из письма Н. Шантаренкова автору: «Черная тетрадь». Да, конечно, ее помню. Не однажды о ней рассказывал. Но не читал ее. Он, наверное, показал бы, если попросить, но никто не решался. Все видели, что он серьезно к этому относится. День сидит в библиотеке полуголодный, вечером с запекшимися губами приходит, садится за стол, достает свою черную тетрадь и начинает в ней сосредоточенно записывать.

Однажды, помню, мы, несколько человек сидели готовили при лампе в новой общаге домашнее задание. Кто писал, кто чертил, а он уже не учащий техникума, работал со своей чёрной тетрадью. И что-то у него не ладилось. Он дал нам задание вроде «буримэ»: две-три рифмы, надо было придумать продолжения, никто ничего толкового не предложил. И он разочарованно углубился снова в свою работу».

Передо мной сборник «Душа хранит» — третья книга стихов Н. Рубцова. В ней сам автор размещает и датирует некоторые стихотворения:

стр. 26 «Деревенские ночи» 1953 год.
*«Ветер под окошками, тихий, как мечтание,
А за огородами в сумерках полей,
Крики перелёток, ранних звёзд мерцание,
Ржание стреноженных молодых коней...»*

стр. 65 «Первый снег» 1955 г.
*«А кто не любит первый снег,
В замёрзших русле тихих рек...»*

Это уже вполне Рубцовские стихи по поэтике и настрою. Здесь в темы присущие Рубцову и что, немаловажно, стихи видимо понравились крайне взыскательному к себе поэту. Давайте не будем забывать, что в Хибинах Рубцов еще просто восемнадцатилетний юноша, а не талантливый, амбициозный поэт. И если некоторые его стихи хибинского периода уже вошли в прижизненные книги стихов это говорит о его огромном даровании и поэтическом потенциале.

Сохранились и датированное автором (что Рубцов делал очень редко) стихотворение 1954 года: «Да, умру я! И что ж такого», навеянное неурядицами в личной жизни и учебе поэта. Есть датированное 1955 г. стихотворение «Березы», которое вызвало множество подражаний, опубликованное во время службы Николая в Североморске и есть самые главные для Хибинской поэзии «Прощальные стихи», посвященные Николаю Шантарен-

кову. В этих длинных (8 страниц) тематически и стилистически разных стихах объясняется всё о 1,5 годах учебы Рубцова в КГХТ, о его отношении к Хибиным (которые не стали полными для поэта).

Н. Н. Шантаренков писал автору этой статьи о том, что будучи уже известным поэтом Рубцов видел эти стихи при их встречах в Москве В середине 60-х годов. Отозвавшись о них, как «неплохие юношеские», хотел их отредактировать, но быстро скопировать их в середине 60-х было невозможно. Да и другие горизонты были перед глазами поэта. Наверное жизнь уже преподнесла ему большие неприятности, чем пребывание в Кировске и учеба там воспринималась, как не худшая страница в биографии.

Были другие проблемы, другие творческие планы и исправленными эти строчки не оказались. Н. Н. Шантаренков выслал ксерокопии посвященных ему Рубцовым стихов.

А ведь в этих строчках, поэт, мягко говоря, не льстит, а режет правду-матку. Но какая это находка для всей литературы кировско-апатитского района — стихи Рубцова о нашем крае.

Далее перед вами выдержка из факсимиле стихов Рубцова датированных январем 1955 года, прощальный подарок другу. Дорогой читатель, я бы в этом месте несколько разволновался, ибо полностью эти строки почти не известны широкому читателю.

Выдержки из письма Смирновой Е. И. бывшей сокурсницы Рубцова приоткрывают тайны творческого процесса будущего поэта: «Рубцов больше делился с ребятами. Девушки слушали его рассказы (о море, о книгах, которые Николай прочитал, когда ходил в море. — Прим. автора) он мог сидя у девчат в комнате надоедать нам, пока все спали лежали и слушали. Спрашивал: «Вы слушаете, не спите?» Нет, отвечали некоторые из нас». Но стихи нам не читал. Наверное, стеснялся нас, а мы его тоже сторонились.

Очень молодые были, мы с Катей Пузачевой часто болтали на лекциях. Он (Рубцов) в газете нашей стеной пропечатал «Две подружки — две болтушки», так начинался стих. Но не злой был, а доброй проиизан. Мы не рассердились на него (Отыскать это стихотворение не удалось. Его в общих чертах помнит и Н. Н. Шантаренков. — Прим. автора). А удивил он всех нас, а особенно М. И. Лагунову, нашу классную руководительницу, когда написал сочинение о Печорине, целую тетрадь. Как можно было столько философии развить? А он это отлично умел».

Видимо уже тогда Рубцов хотелось выговориться, поделиться тем, что переполняло его душу. Его близкими друзьями становились ребята, с которыми он мог помимо всего прочего и просто поговорить. Таков Колька Беляков в Приютино, например. Таким однокурсником для Николая Рубцова в Кировске стал, пожалуй, Николай Шантаренков. Выдержки из письма Н. Н. Шантаренкова автору статьи, помогающие раскрыть заявленную тему. У нас, по нашему отделению МС выходило две стенгазеты: «Маркшейдер», серьезного содержания и «Игал», сатирико-юмористическая. Мне приходилось оформлять эти газеты. А Рубцова мы привлекали для литературной части: сделать подписи к рисункам, что-нибудь сочинить. Он, обычно, легко за это брался. Никогда не отказывался, не заставлял себя упрашивать. Просто брал в руки стило, подходил к нашей полуготовой газете, какое-то время ее разглядывал, просил уточнить задание. Мало что помню конкретно, но помню отглично, что всегда его экспромты поражали своим изяществом и неожиданным поворотом мысли. А придумывал их с лёту даже с каким-то особенным азартом. Уже готовую строфу он записывал своим каллиграфическим почерком (в последствии он у него испортился, почему-то) на нужное место в стенгазете. Особенно много подобного рода подписей в сатирической газете. Их у нас выходило не менее двух номеров в полугодие. Было бы крайне интересно их отыскать. Да, вот стихотворение, посвященное Жене Смирновой. Я, видимо, читал его в газете, но забыл конечно. Однако хорошо помню эту ситуацию, в связи с которой оно родилось. Читал ли он нам? Что — не помню. Да, читал. Он любил что-нибудь прочесть в ходе утреннего разговора. Когда у него было хорошее настроение. Например, однажды утром в воскресный день встав с постели и заправляя свою койку он рассказывал как читал матросам на сейнере «Я весь в мазуте, весь в тавоте — зато работу в тралфлоте». Я читаю, а они хохочут, восторженно хлопают. И сам

смеется. (А смеялся он по мнению Шантаренкова, потому что лирическое стихотворение упаковал в производственную тематику, а иначе не печатали). Рубцов работал в тракторно-техпарке? В 52–53-х годах. Стало быть уже в те годы это стихотворение было написано. Оно, конечно, могло иметь несколько иное содержание. Он любил дорабатывать свои стихи примеряя найденные образы к различным ситуациям. Но какой-то вариант стихотворения был уже тогда. Точно так же он искал место образу, который иногда, как бы, внезапно, нам демонстрировал. Дескать, вот смотрите как интересно! «Как где-то дико улыбается (Е. К. Савкина, тоже сокурсница Рубцова, тоже вспоминала откуда родились эти строчки: «Общежитие барачного типа, где проживал Рубцов находилось рядом с общежитием рабочих, где почти каждую ночь шли гулянки. Видимо это и врезалось в восприятие поэта. Появился некий образ»). Потом этот образ он ввел в прощальные стихи, которые он мне написал. Вроде бы экспромтом, но на самом деле все эти восемь страниц стихов были у него в голове уже изрядное количество времени. Да отдельные строфы могли быть сочинены только что. Когда через десять с лишним лет я показал ему эти стихи, он пробежал глазами и сказал: «А что, неплохие юношеские стихи. Оставь их мне, я доработаю. Будь это теперь — я бы снял с них ксерокопию и отдал бы ему дорабатывать. Но тогда, в начале 1966-го года ксероксов и компьютеров у нас не было. Я не решался расстаться с этим его подарком и он великодушно мне его оставил». Стихи, писавшиеся Рубцовым в стенгазеты, стихи из почти легендарной черной тетради. Что это? Проба пера? Разминка мыслей? Или это уже Рубцовские интонации, Рубцовский стиль? Как и чем можно оценить их литературное достоинство? Если и стихов из стенгазет не сохранилось и тетрадь с юношескими опытами Рубцова исчезла.

А теперь немного об обстановке и общем культурном климате в техникуме. Были ли хоть элементы творческой жизни в техническом учебном заведении? Способствовали ли они литературным опытам 17-ти летнего Николая Рубцова. В газетных подшивках «Кировского рабочего» — главной газеты нашего региона в те годы, можно найти некоторые сведения по поводу культурно-просветительской работы в техникуме. Это конечно парадный портрет, о недостатках, реальном положении дел газета писала скупно и неохотно. 23 декабря 1954 года «Каждую субботу в Кировском горно-химическом техникуме проводятся вечера отдыха. Несколько раз выступал коллектив художественной самодеятельности учащихся техникума». 3 мая 1954 года «В начале учебного года было открыто два красных уголка в общежитиях техникума. Комсомольцы и молодежь приняли активное участие в их организации и создании различных кружков и секций. 80 студентов состояло в хоровой кружке». 23 мая 1954 года «В Кировском горно-химическом техникуме много различных кабинетов, лабораторий и мастерских. В течении 1953–1954-х гг. студенты привели их в надлежащий порядок». 19 декабря 1954 г. «Учащиеся группами собираются у репродукторов, установленных на всех этажах учебного корпуса и слушают очередную местную радиопередачу. Радиоузел смонтировали студенты-любители». 19 ноября 1954 г. «Управление Жилгражданстрой закончило строительство 4-х этажного здания общежития студентов. Строители создали удобства для студентов. Имеется даже комната для красных уголков, где можно почитать свежие газеты и журналы».

Кстати, многие заметки в «Кировском рабочем» подписаны Н. Юшкин — учащийся техникума. Ныне это академик Н. П. Юшкин — директор института геологии КОМИ НЦ.

Поскольку статья посвящена Н. Рубцову и тому была ли какая-то литературная среда в Кировске в техникуме, то больший интерес представляют найденные автором в архивах протоколы педсоветов за 1953–1955 гг. Это материалы для внутреннего пользования техникума. Картина в них более реальная и беспристрастная. Все найденные архивные данные связанные с группами 1МС и 2МС выходят на имя М. И. Лагуновой (классная руководительница Рубцова). Были надежды на воспоминания М. И. Лагуновой, но дальше телефонных разговоров дело не двинулось. Роль Маргариты Ивановны в литературной судьбе Рубцова видимо ещё предстоит прояснить. Первую свою самодельную книгу стихов «Волны и скалы» Рубцов посвятил именно Лагуновой и видимо писал ей в Кировск (проясняя эпизод с пребыванием Сергея Есенина в Мурманске). Маргарита Ивановна

Лагунова без сомнения как-то выделяла Рубцова (по воспоминаниям сокурсников) из общей массы студентов. Но все же лишь ее личные воспоминания смогли бы поставить все точки в кировском зигзаге судьбы Рубцова. И что особенно важно, высветили бы начало его пути в поэзии.

В выступлениях на педагогическом совете большую часть времени уделялась учёбе и поведению студентов. Но это напрямую касалось и Рубцова.

Выступление Лагуновой на педсовете 24 ноября 1953 года. «Мы требуем, чтобы учащиеся хорошо учились. Но условия работы в общежитии ненормальны. Нет дров. печи не исправны, в полах щели, нет топоров, пил, в помещениях холодно. Необходимо улучшить обстановку».

16 февраля 1954 года М. И. Лагунова «В моей группе много двоек. Их было бы еще больше, если бы я диктовала, как надо. Я диктовала медленнее, чем положено. Нужно исключать таких учащихся, которые имеют 5–6 двоек».

Но и творческая жизнь бурлила. И это отражалось в протоколах педсоветов.

11 января 1955 года (Рубцов еще студент КГХТ) преподаватель Дыбин А. П. «Наша стенная печать не получает помощи от преподавателей. Наши преподаватели несут свои литературные работы в редакцию газеты «Кировский рабочий». Не работает так же литературный кружок».

Лагунова М. И. «Нелегко организовать работу литературного кружка. Мне в этом отношении надо самой где-то поучиться. Много говорили о начинающих писать учащихся, а их много или мало? Кому сдавать свои сочинения на просмотр — их дело».

Глушенко А. Е., директор техникума: «Вам и нам надо работать лучше в свете требований сегодняшнего дня... Не проводились среди учащихся обсуждения литературных произведений, не было литературных вечеров. Литературный кружок организовать надо».

В заключении об итоговом педсовете от 20 апреля 1956 года, который обсудил отчет Лагуновой М. И. за все годы её работы в группе 1МС, 2МС, 3 МС. Завуч техникума Бобырев В. Г. «Товарищ Лагунова коротко рассказала о своей работе. На первом курсе ведь это была самая тяжелая группа (1МС). В общежитии вела себя группа плохо. А сейчас группа неплохая. Сама товарищ Лагунова ведет секцию гимнастики, участвует в общественной жизни. Это вызывает уважение учащихся к тов. Лагуновой и они ей подражают».

Лагунова М. И. «Группу веду с первого курса, то есть третий год. Группа сильная, ровная. Есть коллектив в группе, много активистов. Культурно-массовые мероприятия с начала года:

- вечер на тему «Моя любимая песня и стихотворение»;
- вечер о Маяковском;
- экскурсия на кислородный завод;
- вечер о жизни и творчестве Островского, была организована викторина, выпущена газета».

И еще одним свидетельством какой-то литературной активности в техникуме необходимо поделиться с читателем. Это педсовет от 24 мая 1954 года который обсудил поведение и учёбу учащегося 2 курса ГЭМС Маковозова, который считает не горное дело а литературу своим призванием и хочет поступить в литературный институт. Видимо, студент Маковозов показался педсовету более интересным человеком, чем студент Рубцов (поведение и учёбу которого обсуждали на педсовете 30 марта 1954 года) так как в протоколы вошли не только вопросы к студенту Маковозову, но и его ответы. А в случае с Рубцовым сформулированы только вопросы преподавателей при обсуждении, без ответов на них студента Рубцова.

Вопрос. — Вы так уверены, что из Вас получится писатель? У Вас что-нибудь есть? Имеются ли отзывы? Ответ Маковозова: «Да, есть. Могу прочесть». Вопрос. — Вы уверены, что в этом ваше призвание? Ответ: «Да, это мое призвание. Я должен быть литератором как можно скорее...»

Решение: Учащийся Маковозов зарекомендовал себя с отрицательной стороны. Педсовет ходатайствует об исключении учащегося Маковозова из числа учащихся техникума

и перед комсомольской организацией об его исключении из комсомола. Это было очень резким решением, которое могло закрыть дальнейший путь ко всякому образованию. Но Маковозов ещё хохмит: «Спасибо за мудрое решение».

Неизвестно, что стало дальше с этим студентом и его занятиями литературой, но его история — это прямая аналогия с Рубцовым, который действительно стал в литературе России значительной фигурой.

Это ли не документальное свидетельство о творческой литературной жизни в техникуме? То есть об изоляции Рубцова от культуры в Кировске речь не может идти. Творческого вакуума тоже не существовало. Может, не было старшего опытного наставника в стихах, но с другой стороны нажим на молодого поэта мог испортить и едва не испортил (как во время службы на Северном флоте) всю его поэтику, всю сущность его мировоззрения. А это мог быть совсем другой Рубцов, и на Руси одним тонким лириком было бы меньше.

Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод, что на литературном поприще в годы учебы в Кировске у Рубцова все было более-менее в порядке. Но не совсем уж в отрыве от литературы чувствовал себя Рубцов. М. И. Лагунова, друзья, такие как Шантаренков, и общая творческая обстановка видимо пошла на пользу становлению Н. М. Рубцова, как поэта. Не верится, что он совершенно бесполезно провёл эти полтора года в Кировске в смысле становления своего таланта. Конечно, если бы Рубцов остановился в росте, оставшись в стихах на уровне Кировска и Североморска, то не имела бы Россия своего национального поэта. Как бы могла сложиться жизнь Рубцова, если бы он закончил учёбу в Кировске? Кто знает? История не знает сослагательного наклонения. Что было-то было. Нам остаётся лишь разыскивать и изучать факты реальной жизни поэта. Но, может иногда, интерпретировать их в духе любви к поэзии Рубцова.

Не привлекли Николая нудные технические дисциплины маркшейдерской специальности. Творчество бурлило в нём, а не любовь к горному делу.

А Кировск — это юность поэта, его первые попытки найти себя в поэзии. Да, он ещё не печатался. Да, не показывал своих стихов почти никому. Так ведь никто и не стеснял его творческих порывов, не мешал учиться мастерству стихосложения за счет огромного дарования и относительного благополучия в быту. Кировск не стал для Рубцова высокой поэзией, не вознесён им на пьедестал. Но благодарные жители Кировска и Апатитов помнят Рубцова, как одного из лучших поэтов России и на рубцовских чтениях ежегодно отдают дань памяти его высокому таланту.

МНЕНИЯ:

Постскриптум (Андрею Вознесенскому)

Что Россия Вам, если при этом:
«Пахнет псиной и Новым Заветом...»?

Александр Швецов

Судя по тому, с каким рвением руководители всех рангов «предлагают» своим подчиненным ставить подписи за нынешнего президента, думается, что ближе к выборам дело дойдет до детских садов и ясель. Возможно, детишкам предложат новый вариант слов известной игры:

*Красное знамя,
ударное звено —
Дайте нам Путина,
больше никого!*

Редактор

Память

Виктор БАРАКОВ

ОН САМ БЫЛ РУБЦОВСКИМ ЦЕНТРОМ...

Вячеслав Белков был не только рубцоведем. Он писал прозу (почти никем не замеченная «Повесть о Вологде» отличается особой проникновенностью); стихотворения редкой для нашей поэзии формы — хайку (трехстишия), опубликованные и у нас, и в Японии; критические статьи о современной литературе. Но главной в его жизни была дума о Рубцове.

Начинал он со статей в знаменитом «Вологодском комсомольце», большая часть которых вошла в его первую книгу о поэте «Неодиокая звезда» (1989). Надо сказать, что тираж ее был неплохим даже по тем временам — 75 тысяч экземпляров. Продавалась книжечка (под знаком библиотеки журнала «Молодая гвардия») в киосках «Союзпечати» по всей стране, Белков стал известен даже в самых глухих углах державы, а уж любители поэзии Николая Рубцова знали это имя и раньше.

Вячеслав Белков стал ездить на семинары критиков, на писательские пленумы, широко печатался в журналах, в том числе столичных. Литературная карьера складывалась удачно, шла по нарастающей, как вдруг... Все мы знаем, что стоит за этим «вдруг». Свалилась в пропасть страна, рухнули не только тиражи журналов — сами журналы и целые издательства ушли в небытие, писатели из народных поводырей превратились в таких же, как все, беспомощных и ошарашенных граждан. В Вологодской писательской организации, в которой уже состоял Белков, 1990-е вспоминаются как сплошные похороны — мы провожали каждый год по два человека... Лучше всех об этом времени сказал поэт Николай Зиновьев:

*От мира — прогнившего склепа,
От злости, насилия и лжи
Россия уходит на небо,
Потрубуй ее удержи.*

Русского человека можно убить, спойть, но души его горящей лишить невозможно. Белков каким-то чудом добился разрешения публиковать газетные выпуски-приложения под немудреным названием «В мире Рубцова» — и это в самые безденежные и безыдейные, русофобские годы! Именно в начале 1990-х открылся в Вологде и первый в стране Рубцовский центр. Менялись его адреса, приходили и уходили помощники, но неизменным был руководитель Вячеслав Сергеевич Белков. Можно сказать, что он сам был рубцовским центром, к которому со всех сторон ручейками текли письма, посылки с книгами, музыкальными записями и фильмами. Квартира Белкова уже тогда была домашним музеем Рубцова, там хранились редчайшие автографы, фотографии поэта, уникальные издания.

При непосредственном участии Белкова рубцовские центры были созданы в Москве, Питере, Дзержинске и других городах России и СНГ, он помог издать словарь языка Рубцова, содействовал открытию музеев поэта, памятников. Как сказал сам Белков:



*Рубцов был дежурным по русскому слову,
А я вот дежурю теперь по Рубцову...*

Сегодня литературоведческие работы нужны только узким специалистам, однако Вячеслав Белков еще успел заставить то время, когда литературой и критикой интересовалось все общество. Всегда будут на библиотечных полках и его книги, и самые авторитетные на сегодняшний день библиографические рубцовские справочники, вышедшие в Вологде и Санкт-Петербурге под строгим контролем и любовной опекой Белкова.

Вячеслав Белков занимался не только библиографическими, но и редкими ныне текстологическими изысканиями, он был непревзойденным знатоком бесконечных вариантов стихотворений Рубцова и лучше всех ориентировался в сложнейшем лабиринте их датировок. Именно к нему обращались за консультациями ученые и исследователи из Москвы и провинции.

По сути дела, то, чему посвятил свою жизнь Вячеслав Белков, называется практическим источниковедением — основой основ подлинного литературоведения. Сегодня невозможно представить ни одного обзора истории литературы XX века, где бы в разделе о Николае Рубцове не упоминались книги вологодского критика.

В конце 90-х Вячеслав Сергеевич стал издавать в Вологде литературно-художественный журнал «Автограф», который на протяжении девяти лет оставался пусть маленьким, но единственным литературным журналом на всю Вологодскую область. В нем он публиковал не только материалы о Рубцове, но и стихи, прозу, критику самых разных, порой неизвестных авторов из Вологды и области, Москвы, Питера, Сочи... Не понаслышке знаю, как они были благодарны ему за это. Все же основной, задушевной для Белкова мечтой была та, которую, к сожалению, так и не удалось осуществить: он всю свою творческую жизнь писал подробную, «капитальную», по его словам, биографию Рубцова. Раскладывал ее по годам, месяцам, дням и даже часам, создавал летопись жизни и творчества поэта. Если собрать части этой летописи, рассыпанные по книгам Белкова («Жизнь Рубцова», 1993; «Первые итоги», 1999; «Рубцов сегодня», 2003), а также по журналам, то получится удивительное исследование, достойное публикации в солидном московском издательстве. Виктор Коротчаев однажды посетовал на то, что в книгах Белкова есть «излишняя детализация, перечислительность», однако именно этот «недостаток» оказался, как показало время, достоинством его стиля.

Много лет Вячеслав Белков по крупницам собирал произведения Николая Рубцова: стихи (открыл более пятидесяти неизвестных!), их варианты, прозу, критические заметки, экспромты и т. д. Только он один был способен составить полное собрание сочинений поэта с комментариями к нему. В апреле 2003 года Белков признался: «Все стихи Рубцова у меня собраны и подготовлены, но комментарии пока нет».

Что же мешало ему реализовать эти планы? Здесь нет одного ответа, все слишком сложно.

Мешали нищета и блеск буржуазно-мещанской эпохи, писательская придушенность и связанное с ней уязвленное самолюбие (начинал-то как!..), равнодушие властей — столько лет он боролся за открытие в Вологде государственного музея Рубцова, жаловался: «Мешают его созданию один-два местных чиновника». А когда музей все-таки открыли (в урезанном виде), получил, как его глава, двойную порцию чиновничьей мести. «Крапивное семя» умеет держать в черном теле, «кормить завтраками», донимать проверками, требованиями, циркулярами невообразимой глупости (это писатели мыслят образами, а чиновники — инструкциями). Все это делалось намеренно, чтобы вывести Белкова из себя, загнать его в угол. Тут не только месть, на все были свои, идеологические причины. Что поделать, если у власти и народа разные идеологии...

Вячеслав Белков более всего переживал не за себя, даже не за свое дело, а за Россию («За нее болит душа», — признался мне весной 2004 года по дороге в Белозерск на семинар молодых авторов); в 25-м номере «Автографа» даже сочинил что-то вроде манифеста: «Мы считаем, что мы делаем важное дело. Мы за сильную, великую Россию! За то, чтобы в

нашей стране люди продолжали творить и читать. За то, чтобы Правительство и Путин служили народу, а не кучке ожиревших наглецов. Чтобы убрать из политики и бизнеса всех предателей России... Мы за то, чтобы в вологодском крае появлялись новые таланты!»

Поэт Юрий Максин посвятил Белкову при его жизни стихотворение, которое оказалось пророческим:

*Замело все пути, все дороженьки, повалило родимую ель.
Путник мой, береги свои ноженьки, по России гуляет метель.
По России давно уже рыскают злые стаи людей и зверей.
Помоги тебе, Господи, выстоять, добрести до заветных дверей.
Чтоб встречали теплом, а не холодом, и никто не смотрел на часы,
Чтобы честь, береженную смолodu, не унизили взглядом косым...
По весне плакать бедному скворушке, замечает родимую ель.
Ангел мой, береги свои перышки — и тебе добираться в метель.
Не сберег...*

Тот, кто хоть раз оказывался встроеным в государственный административный механизм, пусть даже в самой неприметной должности, уяснил — из него только два выхода: либо беспрекословное подчинение, либо уход. Белков и ушел, но ушел так, как никто и предположить не мог, все произошло, как в страшном сне. Его добила болезнь, депрессия, от которой он давно страдал...

Рубцовский центр в Вологде формально существует, но нет человека, который бы смог всего себя отдать служению, как Вячеслав Белков. Ведь он в самые нищие и подлые годы, надрывая здоровье, делал все, чтобы не погасла, а ярче и ярче горела «неодинокая звезда» рубцовской поэзии.

Рубцов теперь — целая вселенная. Поклониться надо было в пояс Вячеславу Сергеевичу Белкову еще при его жизни за подвижничество — так нет, кланяемся теперь его могиле... Несколько лет назад во время обсуждения в Вологодском педагогическом университете предложенного мной списка имен в литературный раздел Вологодской энциклопедии два известных профессора наотрез отказались включить в нее поэта Алексея Шадринова и критика Вячеслава Белкова: «Кто такой этот Шадрин? Кто о нем вообще слышал? А Славу Белкова мы все знаем, мы же его учили, его ставить в раздел смешно!» Тогда спор ничем не закончился — каждый стоял на своем... В 2005 году в Москве был издан гигантский словарь в трех томах «Русская литература XX века», в котором можно прочитать и статью о Шадрине, и ссылки на авторитет Белкова, а в январе 2007-го в областной столице вышла и Вологодская энциклопедия, в которой Вячеслав Белков еще живой... Теперь уже навсегда.

Вера ПОПОВА

*Строкой пророческой поэты
Вещают миру о себе.*

**«...НЕ БУДЕТ ДЛИННЕЕ, НЕ БУДЕТ КОРОЧЕ
ТВОЙ ПУТЬ ПО ГОРЯЧЕЙ ЗЕМЛЕ»**

Эти строки принадлежат ушедшему от нас 12 декабря 2006 года Вячеславу Сергеевичу Белкову.

Ими он измерял и свой путь на земле...

От всего облика его исходило ощущение того, что с самого рождения он обладал даром прозрения, мудрости и кротости одновременно.

Занимаясь великим делом просветительства в русской поэзии, Вячеслав Сергеевич оберегал себя от славы и поклонения. Но он же и тонко чувствовал любовь благодарных поклонников его литературного труда.

Вероятно, каждый считал, что Вячеславу Сергеевичу в первую очередь дорожке именно его край. Так полагали и мы, черепане, когда всякий раз откликался Вячеслав Сергеевич на приглашение посетить наш город.

Удивительное чувство единения не покидало нас при неторопливом общении с писателем. Словно говорили мы о самом близком и взаимно дорогом нашим сердцам. Умение слушать было одним из самых обаятельных качеств Вячеслава Сергеевича.

Помнятся встречи с Белковым В. С. в Малечкинской школе, в 10-й юношеской библиотеке, в литературном клубе «Госпожа Провинция», что находится на бывшем Воскресенском проспекте, (основатель клуба Н. Л. Деревягина). Не забыть, как всякий раз, бывая в Череповце, Вячеслав Сергеевич горячо призывал: «Нашим городам надо дружить!»

В Череповце произошла долгожданная встреча двух замечательных мужей: профессора ЧГУ Михаила Ивановича Сидоренко, автора будущего «Словаря языка и рифм поэзии Н. М. Рубцова» и писателя Вячеслава Сергеевича Белкова. Им было, что поведать друг другу. Они успели свидеться... Вскоре не стало Михаила Ивановича.

Сколько горьких потерь перенесла ранимая душа поэта и писателя Белкова! Вячеслав Сергеевич прежде всего был рождён поэтом. Как ни покажется невероятным, но он вовсе не собирался заниматься Рубцовым. У него были свои замыслы, свои творческие планы. Но однажды Рубцов «нашёл» его, себе родного. И с тех пор «не покидал» избранника своего, «настигал» его всюду: в неожиданном слове, в негладком обрывке с драгоценными строчками, в нечаянной литературной встрече.

Рубцов «шёл» к Белкову мощно и благодарно.

И вот уже мир не мыслит раздельно бесконечно дорогие имена Рубцова и Белкова.

А мы покаянно печалимся, что нет их рядом с нами, что не успели мы послушаться всего, что было ведомо только их душе.

Не успели мы сказать, быть может, самые дорогие и самые нужные им и нам самим слова.



ПОСЛЕДНЕЕ «ПРОСТИ»

Светлой памяти Рубцова и Белкова

В день памяти тебе скажу:

Прости! Прости...

О, если б жить

Могли безгрешно

И милость Бога обрели,

То не страдали б безутешно,

Твою беду мы б ответили.

(Но в праве ль думать так?..)

Мы до сих пор

Роптать досужи

На ближних, дальних и чужих...

И лишь в самих себе

Не сдюжим

Чужацеств малых и больших.

Опаздываем всякий раз

Бить покаяния тревогу.

Покинувшие землю, нас,

Услышьте!

И не будьте строги.

26 октября 2007 года, город Череповец.

Короткая проза

Юрий МАЛОЗЪМОВ

ПОБЕГ

Мишаня не пил уже две недели и когда выдали аванс, долгов у него не было. «Могу, ведь, если надо!» Преисполненный гордости Мишаня купил бутылку водки и отправился к шурину, доброму другу и собутыльнику, с которым давно не виделся. Напрямик, через речку Содиму — минут двадцать, быстрым шагом.

— Привет! Чего мимо проходишь? — С крыльца рабочего барака соскочил незнакомый шуплый парень и, улыбаясь, протянул Мишане руку.

— Чего-то не припомню. Ну, привет...

— Ты ведь с Ремсельмаша?

— Ну, да. А откуда знаешь?

— Так я с Сельхозтехники, а ты не наш, значит с Ремсельмаша. У нас ведь тут только две шараги.

— Верно.

— Слышь, зайди на пару минут, по стаканчику, а?

— Да ждут меня, некогда.

Мишаня колебался. Хватнуть стакан на халяву неплохо, конечно. А мужик незнакомый. И аванс весь с собой. Хотя, на прохиндея, вроде, не похож. Простой, как трусы по рубль двадцать.

— Ну, пара минут. Не горит ведь.

— Да, есть у меня. — Мишаня отвернул лацкан пиджака, где из внутреннего кармашка торчало горлышко бутылки.

— А это убери и не показывай. Я тебя угостить хочу.

— Ну, ладно. Если по быстрому. Дома-то у тебя кто?

— Никого. Один я.

На столе початая бутылка водки, черный хлеб, в пол-литровой банке варенье из крыжовника.

— Сейчас я суп разогрею, мы с тобой с супчиком, да?..

— Да не надо ничего. Сам ешь, а я так, хлеба возьму и ладно.

— Сейчас... Мы из одной миски. Ложку держи.

— Ну, будь здоров!

— И ты не болей. Звать-то как?

— Мишка.

— А меня — Саня. Да не сржай ты, пей. Водяры — вон, и на завтра еще хватит.

Саня открыл дверцу кухонного шкафа. На нижней полке выстроившись ровным рядом ждали приговора еще шесть бутылок.

— Ну, это уж ты сам, завтра... Лано. Пойду я. Спасибо...

— Так, хоть пузырь-то допьем. Посиди.

Саня вылил весь остаток в мишанин стакан, тут же достал другую бутылку, взболтал как полагается, налил себе.

— Эдак, по целому и закосешь недолго. Упаду тут у тебя — что делать будешь?

— А, ничего. Лежи, спи. Утром опохмелю.

— Да нет, шучу. Идти мне надо.

— Сиди, покурим. У тебя что? Беломор?

Перескурили.

— Ну, все. Пошел я.

Мишаня решительно поднялся из-за стола, но Саша встал на пути, загораживая выход.

— Садись. Ты хороший парень. Водки много. Успеешь домой.

— Ладно, все. Извини...

Мишаня попытался отодвинуть не в меру гостеприимного хозяина, но тот вдруг схватил его, приподнял и как ребенка легко усадил на прежнее место. Как ни в чем не бывало налил по полстакана.

Мишаня удивленно таращился на хозяина. «Цыпленок ермаковский. В чем душа держится? А надо же, силища какая! И чего прилип? Он хоть не педик? Да, вроде, нет... Не похоже...»

Молча выпили.

— Саня, туалет где у тебя?

— За дверями, сразу налево.

— Да я лучше на улицу, хоть воздухом подышать.

— Так и я пойду, тоже побрызгать надо.

На крыльце встретили пожилую женщину.

— Тетя Катя, я тебе три рубля должен.

Саня полез в карман за деньгами.

— Не три, а четыре. У магазина-то, рубль тебе добавляла — забыл? Хороший уже был, так куда уж помнить...

Мишаня тихонько отошел за поленницу, и скрывшись из виду быстро направился к палисаднику, перелез через него, побежал. Изрядная доза выпитого мешала бегу и вскоре Мишаня запнулся, упал. Вскочил, побежал, но снова запнулся, опять упал. Кто-то плюхнулся рядом с ним.

— Встаем, пошли.

Саня помог Мишке подняться.

— Поссал хоть? Нет? Ну, так выстись...

Вернулись в дом. Сев на прежнее место Мишаня молчал, туго соображая, что же делать? Присмотревшись к хозяину, он однако заметил, что Саню «подвзяло». А если попробовать его перепить? Дело знакомое, опыт есть. Мишаня налил по полному стакану. Выпили. Снова налили...

Саня бормотал что-то непонятное, потом откинулся на спинку стула, глаза сузились до щелочек, он словно подглядывал, казавшись спящим.

Подождав несколько минут, Мишаня медленно начал подниматься из-за стола. Только бы не шатнуло! Встал. Саня открыл глаза... Мишаня налил по полстакана. Выждав время повторил попытку...

Улицы Мишане не хватало. Его кидало из стороны в сторону, хотя голова оставалась почти свежая. Впереди маячили здания родного завода. Цех был закрыт и Мишаня выбил куском подвернувшейся арматурины стекло, вынул осколки, пролез внутрь, поднялся по лестнице в раздевалку. Попаившись воды из-под крана, выглянул в окно раздевалки. В конце улицы у магазина тоскливо слонялись алкаши-аборигены. Был воскресный день 1980 года и вином не торговали. Мишаня смотрел на алкашей и чувствовал себя счастливым. Внутренний карман его пиджака приятно оттягивала нераспечатанная бутылка водки.

Юрий МАКСИМОВ

ПРОШУ НАЗНАЧИТЬ МЕНЯ ЕВРЕЕМ

В бытность царствования Николая I призван был ко двору наш славный генерал, А. Л. Ермолов. Как известно, во время оно, на всех должностях было засилье немцев. Чем

наградить тебя, мой верный генерал? — спросил царь убеждённого сединами служаку. Прошу назначить меня немцем, — ответил тот горько усмехнувшись.

Вспомнив этот случай я и написал про наше времечко, когда на всех весомых постах уже иное засилье. Так и появился этот рассказ в обличье сказки, с соответствующими народно-речевыми оборотами. К месту и мои стихи, написанные ранее — «...как воевать, так русака в окоп, а как к столу, там первыми не наши» (русский народный сказ).

Жил да был, в одной сельской местности, парень молодой, Ванька. На тракторе работал, честно и без понуканий. Известно, однако, то трудяга, тот никогда не наживёт себе палат каменных. Так и он, с мамашей больной и козой в хате старой ютились. Папаша Ванюшин давно от ран, на войне полученных, помер. Пришла пора в армию призываться. Ванюха бы рад, да мать ему подсказала: закон мол есть, кормильцев не брать, иначе как ей одной оставаться? А рядом, по соседству, еврей Зямка, одного с ним году, с семьёй проживал. Того, тоже повесткой вызвали.

Отец Зямкин пришёл к мамаше Ивана и предлагает: отдайте своего сына, заместо мово, во солдаты, а я за это корову тебе куплю. Окстись, мать на него, — где это видано, чтобы сына на корову менять? Пшёл отседа, нехристь...

Ладно. Хитрован тады прямиком к комиссару военному и «на лапу» тому деньгу отвалил, пусть мол заместо Зямы евоного, Ванька-скобарёк послужит. Его-то Зяма на скрипочке пиликать умеет, а Ванька токо репу сажать. Вызвал военком Ивана к себе и в армию приказал готовиться. Так я же один кормилец в семье и на трактора пашу. Окромя того земляца станет брошенной, кто об ей порадует? Молчать! — комиссар на него сапожищами затопал храмовыми. В острог захотел?

— Давайте тады по совести, пушай и Зямка се мною послужит, — Ванюшка заупорствовал.

— Не твоево ума дело, — ещё пуше рычит военком. Щас на скрипочке играть поважней, чем пахать...

— И куды меня направите? — завздыхал Ваня.

— Ростом ты не вышел, стати в тебе нету, в пехоту тока сгодишься. В окопче не вилать будет. На Кавказ отправляю, там ваших деревенских, как семечек понатыкано. Там и послужишь.

Ничего не попишешь. Стал Иван солдатом. Службу несёт исправно, уставы все наизуток выучил, книжки про армию русскую почитывает, да примеров храбрых набирается. Очень ему глянулись рассказы о полководце Суворове. Он даже офицеров стал называть по старому — ваше благородие, что им очень отраднo. Танк освоил, рычаги те же, что у евоного трактора, моши токе поболее. Темней ночью, однажды, бандюганы на его часть напали, но Ванюха не растерялся, всех гусеницами подавил. За такое геройство, полковник строгий, отец солдатский, обнял славного хабреца.

— Направляю, — говорит, — ты в Москву, в Кремль, поскольку б тебе самому министру военному доложено. Ждём обратно со Звездой. Ты токо там гляди, баб московских не перетрахай. Щас кажная под тя ляжет, утюжь их, сук, хоть своим танком, всё одне, не отстанут.

Прибыл Ваня в первопрестольную в новой форме. Старая им до дыр изношена, а новую так бы и не дали, если б не вызов энтот. Два дня ему положенных походил по столице, поглаз на жизнь московскую. И что подметил — все места торговые, магазины, банки, телевидение даже, в основном евреями оккупированы. Куды не сунешься, везде их лица довольные красуются.

— Да, — почесал башку Ванька, — пронырливый народец. Облюбовали доходные «точки» капитально, русаков к себе не пушают. Тут его к министру военному и доставили. Думал увидит перед собою генерала звездастого, ан нет. Министр по-гражданке одетый, в костюмчике, зато зубы свои ловко вставленные, что актёр кажет и по аглицки лопочет без переводчика. Рыку начальственного, медвежьего, от его не услышал. От своих, ещё де

отправки, прознал, что министром назначен за преданность персоне первой. Встал перед ним Ваня во фрунт, под козырёк взял, докладает о прибытии.

— Наш герой, — похлопал его министр по плечу, перед всеми придворными и опять зубами улыбается, очень собой довольный. Как же мне наградить тебя, ям не знаю? Может офицером сразу назначить?

Здесь Ваня не моргнув глазом и выдал: благодарствую, Ваше высокопревосходительство. Назначте меня лучше евреем. Может жить тады будет сподручнес...

— Не могу, голубок, — услышал в ответ. На это должен быть указ президентский, с главным раввином согласованный. Не перешагнуть мне таковое. Вот те за геройстве талон, отоваришься в «Военторге» уценённой волочкой. А талонов таких у его цельный карман. Медали же токо для своих припасены. Ступай паря обратно в часть, рубежи наши от ворогов оборонять.

В тот же день убыл Ванюша назад, в свой окопчик, а Зямка по слухам, теперича каждый вечер в Кремле на скрипочке играет, гостей высоких услаждая. кады они обжорством в кабаке придворном занимаются, да девок сисястых лапают. Очень ен свою жизнь ныншнюю нахваливает. Вот так!

СПб. 2007 г.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Суров М. В. Белов: Штрихи великой жизни. Вологда, 2007 — 744 с.: ил.

Фокина О. А. Стихотворения. Поэмы. Венок сонетов / Предисл. И. А. Никитиной; Худож. Н. В. Лаврентьева, С. В. Лаврентьев — Вологда: «Книжное наследие», 2007 — 384 с.: ил.; портр.

Одинцова Л. В. Избранные места из пражского дневника. Мемуары о Николае Рубцове. — Челябинск, 2006 — 74 с.

Сопин М. Н. От тебя я уйти не смогу: Стихи — Вологда, 1007 — 36 с. (Лики Лирики).

Павлов К. А. Мир любовью светится: Стихи — Вологда, 2007 — 36 с. (Лики Лирики).

Житников В. С. Музыка поэтической реки: Стихи — Вологда, 2007 — 32 с. (Лики Лирики).

Павлов К. А. Излучина. Сборник стихотворений — Вологда, 2007 — 78 с.

Станевич С. Г. Я праздную свободу: Стихи — Вологда, 2007 — 72 с.

Седова А. А. Стихотворения для друзей: Стихи — Вологда, 2007 — 84 с.

Богданов С. Б. Полночный плот: Стихи — Вологда, 2007 — 52 с.

Поэту посвящается: Сборник / Сост. С. А. Лагерева — Сургут: «Словесность», 2007 — 256 с.: ил. [Сборник посвящений Н. Рубцову]

Творчество наших читателей

Александра МАРТЬЯНОВА

КОНИ, КОНИ...

КОНЬ

Надоедливые мухи
Лезут в ноздри, лезут в глаз.
Целый рой жужжит над ухом:
Нет спасения на час.

Конь набычившись упрямо,
Борозду свою ведет.
Бьют и слева, бьют и справа,
Прямо прет и не свернет.

Трет ярмо и жажда мучит.
Покачулся, устоял.
Терпеливый и могучий
Одолея крутой завал.

Четверней своей мослатой
По колено в землю врос.
И легко и благодатно
Подпирает небо торс.

Все по-божески, под силу;
Засверкало в небе — рад.
Долгожданный рухнул ливень,
И вдобавок вдарил град.

Конь стоит, как изваянье,
Между небом и жнивьем.
А от мух — одно название:
Всех прихлопнуло живьем.

КОНЕК-ГОРБУНОК

В. П. Корнякову

Не снилась ему жар-птица:
Мечтал о коньке-горбунке.
А любо пока покататься
Верхом на резвом горбылке.

Завидуя тайно, восторженно
Разглядывал из-под руки
Лошадок цыганских стреноженных,
Что мирно паслись у реки.

Не спит, повторяет фразу:
«Закон какой-то чудной:
Цыгану — две лошадки сразу,
Колхознику — ни одной!»

Прошел и войну, и разруху.
Земной стал прожит удел...
Но все же свою! Карюху
На двор привести успел!

Внучата щебечут птенцами,
Кобылка из тазика пьет
И, звонко гремя бубенцами,
Победно копытами бьет.



ВНИИ КОНЕВОДСТВА

РАЗАНЬ

ТОПОЛЯ В АЛЕКСЕЕВЕ

Слова В. Меркурьева Музыка И. Белкова

Умеренно

Ab Bb7 Eb Bbm C7 Fm

Fm/D Cm6 G7 Cm "Конец"

Fm G7 Cm Fm G7 Cm

I. Вдоль ши-ро-кой у-ли-цы ал-ле-и то-по-ля куд-ря-вы-е сто-ят.

Bbm C7 Fm Fm7 D7 G

Здравствуй, здравствуй Устье - А-лек-се-е-во! Ви-деть-ся все-гда с то-бо-ю рад.

Fm7 Bb7 Eb Bbm C7 Fm

Здесь у-чил-ся в шко-ле я под-рост-ком, за-во-ди-лой был сре-ди ре-бят.

Fm/D G7 Ab Fm G7 Cm

Здесь му-жал и ста-но-вил-ся взрос-лым, Ро-ди-не по-шел слу-жить сол-дат.

2. С той поры прошли большие сроки,
Уезжал я в дальние края.
Не кори, не делай мне упреки –
Помнил о тебе повсюду я.

Помнил тополя и травы росные,
И твои тесовые мостки,
Помнил девичьи глаза раскосые,
Что горели будто огоньки.

3. Я иду широкою аллеей,
Тополя приветливо шумят.
Здравствуй, здравствуй, Устье-Алексеево!
Встретиться опять с тобою рад.

Пусть летят года чередой немеряной,
И спешит на север Юг-река,
Ты живи, родное Алексеево!
Пусть шумят, как прежде, тополя.

Виталий БАКУМЕНКО

РОЖДАЮТСЯ ТАИНСТВЕННО СТИХИ

Знакомим наших читателей с московским поэтом XXI века.

На протяжении многих лет, ушедшего в историю XX столетия, Михаил Орбачевский писал стихи, по собственному признанию, от случая к случаю. И только с наступлением нового века у него полились непрерывным потоком пронзительные лирические строки. Вся лирика Михаила Орбачевского пронизана мотивами гражданского звучания. Правда, сам поэт считает недостатком своих стихотворений, что они «публицистичкой грешат». Но слава Богу, что это так. Только таким образом поэт и может выразить свою позицию русского патриота. В наше время это жизненно важно делать на каждом шагу, видя, что с нами происходит...

Михаил Орбачевский автор поэтических сборников «Один день» и «По жизни...» Даже несколько стихотворений поэта, впервые публикуемые в Вологде, дают яркое представление о самобытности поэта, и редкой задушевности каждой строчки Михаила Орбачевского.

Появление стихотворений Михаила Орбачевского в журнале «Автограф» вполне обосновано уже тем, что он написал прекрасное стихотворение, посвященное Николаю Рубцову. Оно — весомый вклад в большую подборку стихотворений «Венок Н.М. Рубцову», которые, посвятили многие авторы великому русскому поэту.



ПОЭЗИЯ ЖИВЕТ СРЕДЬ НАС

Окно в поэзию для всех раскрыто.
Создатель позаботился о нас,
и в сотворении земного быта
заложен поэтический окрас.

Он царствует в движении Вселенной,
в короткой жизни искорки костра,
в натуре человека потаенной,
в глаголе, в слове, в легкости пера,

кругом, везде, где разуму не тесно,
где чувства плещут пенистой волной,
и где влюбленным парам мелкошесье
привидится нехоженой тайгой.

Поэзия средь нас витает тенью,
находит по оставленным следам.
И я внимаю с трепетным волненьем
ее хрустально-чистым голосам.

ДУХ ВЕСНЫ

Звенят капли дружно, вперебой,
Весной искрятся женские улыбки,
И льдинки плачут радужной слезой,
Им вторят поднебесной сини скрипки,

Весенний день! Нет радостней поры.
Рождаются оркестры новых звуков,
Не умолкает гомон детворы,
И сонмы солнц нам протянули руки.

...И женщины с весной дуэт
Вселенную заполнил ликованием.
Содружеству душа поет сонет.
Не обойдите взглядом и вниманьем!

ТИШИНА

Лес звуков чутких — тишины обитель,
здесь собрана всей жизни глубина:



рассвета холод — красок замедлитель,
нешадный зной — живого усмиритель,
прозрачный вечер — рая тишина.

Рыданья соловья несутся к звездам
и эхом — по цветению садов.
Лихие переливы виртуозно
глотает омут тишины веков.

В твоих лесах блуждаю наудачу,
напоишь лаской, заведешь в обман,
в мечтах забрезжут контуры иначе,
и не взойдет цветок — забьет бурьян.

Но и бывает в тишине прозренья:
раздумие, свобода мысли вслух
кристаллизуют мудрое решение,
направят в русло, уврачают дух.

В седой тиши творится все негласно
от таинств до обычной чепухи.
Подруга музыки. И с ее участием
рождаются таинственно стихи.

* * *

Лист белый, черные чернила
Отслеживают жизни путь,
И манит вьедливая сила
На бег истории взглянуть.

Излить свои переживания,
На ждущий чистоты листок,
И дать почувствовать дыханье
Чем жив наш «лапотный» Восток.

Здесь, где не знают чувства меры
И стать всегда на свой манер.
Россия — столп Христовой веры,
Добра, радушия пример.

Кость в горле Запада соседи.
С далеких княжеских времен
Их раздражал мужик безвредный,
Но стоек русский бастион.

Войной ходили многократно,
Но Русь — не по зубам орех.

И звон призывного набата
Развил достигнутый успех.

Пожарский, Минин, ополченцы
Собрали воедино Русь.
Страница общего сплоченья
Легла в основу, я горжусь.

Горжусь неколебимой волей
И стойкостью святых отцов.
Российским духом, богомольем,
Блаженным роздыхом лесов.

Не счесть погибших за Отчизну,
За Родину — Россию-мать.
Победой духа правит тризну
Руси особенная статья.

Сегодня, нет страны твердыни,
Распалась стая голубей,
И духа русского святыню
Полощет ересь — Запад-змей.

Бас благовеста яснокрылый
России проявляет суть.
Я верю в православья силу,
В ее тернистый, крестный путь.

Н. РУБЦОВУ

Поэзия затронула живое,
В ней исподволь сквозила глубина
И перечитывал, не разумом — душою,
Звела в слове русская струна.

Напевность светлую и музыкальность
Вознес в себе рубцовский чуткий лад,
Доверчива неспешная реальность,
И Фили доброго приветный взгляд.

Пронзительна любовь к земле родимой,
Слова простые людям возжжены.
И пестуются совестью ранимой,
Где прорастают чувства-вешуны.

Высокой версницей журавлиной
Плывет в тиши рубцовская строка.
И светятся в стихах слеза глубинки,
Россия-мать и бытия река.

Графика

САМОБЫТНЫЙ ХУДОЖНИК ЕВГЕНИЙ МАРТЫШЕВ

В Вологде к 70-летию со дня рождения великого русского поэта был выпущен художественный альбом живописи, графики, скульптуры «Николай Рубцов в творчестве современных художников». В этом прекрасном издании особенно впечатляюще представлена иконография поэта.

Настоящим украшением альбома является рисунок «Николай Рубцов. 1980».

Этот тонкий психологический портрет создал художник из Череповца Евгений Мартышев. Он давно увлечен творчеством поэта, часто бывает в родных местах Николая Рубцова, создал циклы работ, среди которых особо выделяются офорты «Разрушенный храм в Николмюм», «Летом в Николе», «Деревня Никола»...

Для творческой деятельности Евгения Мартышева издавна характерны литературные устремления. В этом смысле показательна его дружба с известным поэтом Александром Пошехоновым. Об этом сам поэт рассказывает так: «С художником Евгением Мартышевым судьба свела меня в 1993 году при следующих обстоятельствах: срочно требовалось сделать макет оформления моей первой книги. Время поджимало жутко, и Евгений согласился выполнить работу в кратчайший срок. Так началась наше творческое дружество, которое, Слава Богу, продолжается по сей день». Дружба поэта и художника оказывает благотворное влияние на их творчество, рождая новые картины, как предвестники новых стихов, и рождаются новые стихи, как предвестники новых картин. Так утверждает А. Пошехонов и с этой мыслью полностью согласен Е. Мартышев. Что это настоящее духовное родство двух творцов, говорят и стихи Пошехонова, написанные под впечатлением от картины Мартышева «Память»:

*Загадочен картины вид:
Нам дал творец для созерцанья
И сон тяжёлый пирамид,
И елочной свечи мерцанье.
Ракушка, словно материк,
И чехарда цветных полосок,
И тут же бык стоит, как крик,
Как детских сказок отголосок.*

О многом говорит такое тонкое понимание поэтом замысла художника.

Теперь несколько строк из биографии художника.

Евгений Иванович Мартышев родился 17 июня 1951 года в городе металлургов, строителей, химиков Череповце и на всю жизнь связал свою судьбу с этим промышленным центром Вологодской земли. Покидал свой родной город Евгений Мартышев только для получения профессионального образования в Московском художественно-промышленном училище и для прохождения службы в армии.

С самого начала творческого пути Евгений Мартышев весьма успешно совмещал в своем творческом поиске живопись и графику. Эти, казалось бы, противоположные сферы изобразительного искусства очень гармонич-



но сосуществуют в творчестве художника. Они не только дополняют и обогащают друг друга, но и нередко подсказывают мастеру неожиданные ходы и решения, которые были бы невозможны без этого «содружества-противостояния»...

Евгений Мартышев ярко проявил себя в нескольких жанрах изобразительного искусства, но, пожалуй, его незаурядное дарование наиболее мощно прозвучало в самом сложном жанре. Художник создал огромную галерею незабываемых по глубине передачи характеров героев портретов.

Это особенно четко прослеживается, когда есть с чем сравнивать, когда Мартышев пополняет большую иконографию известного деятеля отечественной культуры. Как правило, это всегда существенное обогащение существующей иконографии и новое слово об этом творце. Так случилось с упоминаемым портретом Николая Рубцова. Подобных примеров в творческой практике Евгения Мартышева можно привести немало. Так, большой творческой удачей художника является великолепный портрет народного художника России Владимира Николаевича Корбакова. Автор этого портрета прекрасно передал яростный бунтарский характер большого мастера изобразительного искусства, и одновременно перед нами лирический портрет мыслителя. А именно такие могучие характеры и создают во все времена настоящее искусство.

Глубокое впечатление производят также лирические портреты первого наставника Е. Мартышева в изобразительном искусстве Ангелины Анатольевны Алексеевой и мамы художника. Сколько тепла и доброты в этих прекрасных лицах мудрых русских женщин.

По всему видно, что Евгений Мартышев живет трудно и не ищет легких путей в искусстве. Экспрессивность его работ и неутолимая жажда экспериментирования во всем, что он делает в искусстве — это путь мучительный, но только он и приносит настоящие открытия нового, неведомого, ради чего и стоит терзаться и страдать.

Мастер живописи, рисунка, офорта, линогравюры Евгений Мартышев просто не мог обойти своим вниманием камерное искусство прикладной графики — экслибрис. Еще в молодые годы он стал принимать участие во всех престижных выставках вологодских художников, которые поголовно были увлечены работой над созданием книжных знаков. Естественно, что и Евгений Мартышев увлекся искусством экслибриса и стал искать свой стиль и вырабатывать индивидуальную манеру в новой для себя рубрике творчества.

Уже в первых откликах искусствоведов отмечалось, что в экслибрисах Евгения Мартышева великолепно сочетается рисунок с орнаментом и текстом. Главное, что все экслибрисы художника — миниатюры по определению.

Они предназначены нести свою прямую функцию — быть украшением книги любого формата, начиная с самой миниатюрной. Самое удивительное заключается в том, что Евгений Мартышев в композициях книжных знаков не только передает гармонию, красоту и редкостную декоративность, но и психологическую глубину и эмоциональную напряженность. Это и придает его миниатюрным знакам монументальность звучания.

Необычен и круг владельцев книжных знаков Евгения Мартышева. Кроме писателей, артистов, журналистов, художников, владельцами знаков художника являются мастера народных ремесел, учитель-культуролог, боец восточных единоборств, охотник, олимпийский чемпион, рыбак, каскадер... Это обстоятельство внесло в экслибрисное творчество Евгения Мартышева уникальный колорит и придало ему известную долю экзотики.

Столичные ценители изобразительного искусства хорошо знакомы с творчеством череповецкого художника. В Москве неоднократно устраивались персональные выставки Евгения Мартышева и проходили всегда весьма успешно. Знают произведения русского художника и зарубежные зрители.

Душевное волнение, которое Евгений Иванович Мартышев вкладывает во все, что он делает в изобразительном искусстве, находит горячий отклик в душах людей. Для творческого человека это и есть высшая награда.

Виталий Бакуменко



АВТОГРАФ
Литературно-художественный журнал

50

Обществ. совет: А. А. Грязев, Ю. П. Малоземов,
В. М. Бакуменко, Ю. М. Максин, А. А. Пошехонов, А. П. Смолин,
М. А. Полетова, М. А. Григорьев, Т. А. Лавтакова, Н. Т. Бушнев,
К. А. Павлов, Н. Б. Шилова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.
Адрес для писем: 160035, г. Вологда, ул. Герцена, 39 «б», к. 2.

Сдано в набор 26.09.07. Подп. в печать 10.10.07.
Заказ № 916

Вологда
2007